

XLII
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

Выпуск 25

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ**

11–16 марта 2013 года,
Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2014

УДК [811.161.1:37.02](063)

ББК 81.2 Рус-9

P89

Рецензенты

д-р пед. наук, проф. Л. В. Московкин (Санкт-Петербург),
канд. филол. наук, доц. М. С. Шишков (Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

Е. И. Зиновьева, Н. А. Любимова, К. А. Рогова

Ответственный редактор

Н. А. Любимова

P89   **Русский язык как иностранный и методика его преподавания.** Вып. 25. Материалы секции XLII Международной филологической конференции. 11–16 марта 2013 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н. А. Любимова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 116 с.

ISBN 978–5–8465–1387–7

Сборник содержит материалы докладов и сообщений, посвященных актуальным проблемам изучения языка и речи в аспекте РКИ, вопросам соотношения языка и культуры, анализу текста, дискурса, а также теории и практике обучения русскому языку как иностранному.

ББК 81.2 Рус-9

ISBN 978–5–8465–1387–7

© Коллектив авторов, 2014

© Филологический факультет СПбГУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы изучения языка и речи в аспекте РКИ

Артёмова И. Ю.

Тактики не прямой коммуникации в русском
устном межличностном дискурсе 9

Ефремова М. Ю.

Отражение эмотивного компонента значения
полифункциональных слов в словарях.....16

Иванов С. Ю.

О двух способах представления видовой деривации
глаголов движения 22

Кузьменкова В. А.

Принципы лексикографического представления
описательных предикатов 27

Слободкина Т. Н.

Интонационное оформление японцами текстов разных
функционально-смысловых стилей на русском языке 31

Проблемы соизучения языка и культуры

Гулякова И. Г.

Художественный фильм как текст в иностранной аудитории
(на материале фильма А. Тарковского «Андрей Рублев» /
«Страсти по Андрею») 39

Зиновьева Е. И., Абыякая О. В.

Стереотипные представления о мерзнувшем человеке в русской
языковой картине мира (на фоне китайского языка) 45

Конг Сун Янг

Функциональная стилистика современного
русского языка в сопоставлении с функциональной
стилистикой корейского языка.....54

Морозов М. А.

Способы выражения понятия «коррупция» средствами
лексики и фразеологии русского языка 58

Селиванова Н. Я.

Лексико-семантическая группа существительных, обозначающих
количество чего-либо, помещающегося в ладони или пальцах
человека, в русской языковой картине мира 68

Сретенская Л. В.

Анализ лингвокультурологического аспекта
художественного текста в иностранной аудитории
(на материале рассказа Н. Толстой «В Тунисе») 73

Сунь Найсюй

Цветовые эпитеты в «Темных аллеях» И. А. Бунина 78

Флейшер Е. А.

Взаимосвязь прецедентных феноменов
как основа прецедентности 82

**Обучение русскому языку
как иностранному: теория и практика**

Любимова Н. А., Бузальская Е. В.

Концепция пособия по обучению письму иностранных студентов (уровень А2–В1).....89

Мирошникова М. Г.

Некоторые особенности преподавания РКИ в группах американских стажеров, являющихся русскими по происхождению.....93

Михайлова Е. В.

Общение в социальной сети «ВКонтакте» как форма обучения РКИ.....96

Прокубовский А. А.

Лексические имена «инструментов» понимания в рамках обучения русскому языку иностранных учащихся естественнонаучного профиля 100

Сальман Е. А.

Фреймовая обучающая модель: лингвистический и методический аспект 107

Соколова Е. В.

О проблеме обучения правильному употреблению союза «а» 113

Актуальные проблемы
изучения языка и речи
в аспекте РКИ

Артёмова Инна Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный университет

ТАКТИКИ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОМ УСТНОМ МЕЖЛИЧНОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Исследования последних лет демонстрируют повышенный интерес к проблемам естественной коммуникации. Так, ведётся поиск drobных единиц речи, включающих понятия «дискурсивного акта»¹, «конструктивно-синтаксической единицы»², и более крупных областей, видов устной коммуникации. Например, разграничение коммуникации на *прямую* и *непрямую*³, выделение *манипулирования* как особой области общения⁴.

Так, В. В. Дементьев⁵ посредством категории непрямо́й коммуникации объединяет явления, традиционно рассматривавшиеся в теории косвенных речевых актов и все явления, относящиеся к имплицитной, извлекаемой из знаков информации.

В данной статье рассматриваются *тактики речи* как *единицы устной коммуникации*, а также *классификация тактик непрямо́й коммуникации* в межличностном устном дискурсе на материале телепередач в жанре дискуссии.

В определении понятия «*непрямо́я коммуникация*», вслед за В. В. Дементьевым⁶, предлагается исходить из того, что непрямо́я коммуникация есть прежде всего содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата. При этом к явлениям непрямо́й коммуникации представляется возможным отнести и *манипулирование*.

Для определения понятия «*тактика*» и выделения тактик непрямо́й коммуникации необходимо учесть особенности речевой ситуации полеми́ческого общения в телевизионном формате, релевантные для классификации тактик рассматриваемого дискурса. Так, одним из отличительных признаков речевой ситуации является её максимальная упрощённость, заданность прагматико-социального контекста. Такие ситуации являются всегда *каноническими*⁷, «когда Говорящий не отделён

от своего высказывания; когда момент создания высказывания совпадает с моментом его восприятия Адресатом (т. е. когда Адресат является слушающим); когда Говорящий и Адресат имеют общее поле зрения — в частности, могут видеть друг друга»⁸. При этом общение является спонтанным и публичным, а предмет дискуссий составляют объекты и свойства объектов, находящиеся вне общего поля зрения собеседников. При этом их обсуждение является актуальным и важным как для общающихся, так и для зрителей. Обсуждаемые объекты являются наполнителями фреймов как «стереотипных денотативных пространств»⁹, заданных *макроструктурой дискурса*¹⁰. Например, фреймы «выборы», «социальные опросы», заданные макроструктурой, отраженной в названии телепередачи «Нами манипулируют?» (здесь и далее приводятся примеры, взятые из программы «Открытая студия» на пятом канале петербургского телевидения). Ещё пример: фреймы «восстание», «убийство», «поставка оружия» в макроструктуре «Новая война». Ввиду указанных особенностей данный тип дискурса отличают особые *прагматические предусловия*¹¹, которые накладывают некоторые ограничения на коммуникацию. Так, ввиду публичности и спонтанности речи, а также особого статуса собеседников (подобранность собеседников является одним из условий), предусловием считается ненарушение принципа вежливости. По наблюдению Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой, «особенность максим вежливости состоит в том, что не только их нарушение, но и их усердное соблюдение вызывает дискомфорт»¹². Таким образом, прагматическое предусловие ненарушения принципа вежливости входит в противоречие с основной целью полемики — обменом мнениями, убеждению собеседников в своей точке зрения, что представляется особенно трудным в условиях публичного спонтанного общения с множеством участников. Эта особенность коммуникации стимулирует участников общения к использованию разнообразных непрямых интерперсональных тактик речи. Другими словами, участники общения вынуждены прибегать к средствам стратегической неопределённости. Знание о фреймах составляют условия эффективности применения непрямых тактик речи, или *прагматические presupпозиции*¹³ в данном типе дискурса.

Как показывает исследуемый материал, тактики в данном типе дискурса нацелены прежде всего на 1) модификацию ментального состояния собеседников, то есть видоизменение знаний и представлений собеседника об объектах и их свойствах в определённых фреймах, а также на 2) модификацию психологического состояния собеседников, прежде всего,

эмоционального, возникающую при использовании интерперсональных тактик с целью изменения знаний и представлений и носящую, как показал М. Ю. Федосюк, сопроводительный характер¹⁴.

Перейдём к общему определению понятия «тактика». В данной работе объектом анализа являются *инициирующие высказывания*, направленные на модификацию ментального и психологического состояния собеседника. С точки зрения материального выражения такие отрезки речи представляют собой *сложные высказывания, длина которых может быть равна длине сверхфразового единства*¹⁵.

Таким образом, в качестве единицы межличностной не прямой коммуникации предлагается рассматривать иницирующее речевое произведение, представляющее собой сложное высказывание как «отдельный отрезок речи, имеющий в данных условиях определённую целевую направленность как некоторое законченное целое»¹⁶. Смысловая целостность такого сложного высказывания оформляется доминирующим значением стратегической неопределённости.

Представляется, что для классификации сложных высказываний удобно воспользоваться именно термином «тактика» как «способа»¹⁷ оформления речевого произведения, который позволил бы закрепить название тактики за определёнными конструкциями.

Таким образом, под тактикой понимается способ оформления высказывания, а именно закреплённость языковой формы за речевым смыслом.

В качестве основных видов тактик не прямой коммуникации предлагается выделить *иллокутивные тактики речи* (далее — ИТР) и *манипулятивные тактики*.

Термин «иллокутивная тактика речи» подчёркивает обязательную иллокутивную направленность тактики, оформленную непрямыми языковыми средствами. Так, по замечанию Стросона: «Действительно, по своей сути иллокутивная сила высказывания — это то, что, согласно намерению, должно быть понято»¹⁸. Это означает, что если пресуппозицию таких высказываний составляет знание о фреймах, то пропозиция всегда содержит подразумеваемый компонент, или вывод, который обязательно должен сделать слушающий в процессе восприятия речи говорящего. Таким образом, при ИТР говорящий даёт установку на полную интерпретацию его намерений, затрудняя восприятие слушающего использованием не прямых средств. При этом выбор не прямых средств обусловлен не столько самим говорящим, сколько внешними факторам. Например, невозможностью прямой экспликации ввиду социо-культурной ситуации. Языковы-

ми средствами создания такой тактики являются, например, акцентно выделенные вопросительные местоимения в формальном частично диктальном вопросе¹⁹, благодаря чему подобные вопросительные предложения приобретают оттенок *идиоматичности*²⁰. Например, в обсуждении фрейма «социальные опросы» при реализации *иллокутивной тактики «наводящего вопроса»* акцентное выделение маркирует вопросительное местоимение и ключевые, «опорные точки»²¹ этого фрейма:

— *Вы действительно верите в социальные опросы? Кто проводит социальные опросы, на какие деньги?*

(Открытая студия: «Нами манипулируют?»)

В данном примере благодаря акцентной выделенности меняется семантика вопросительных местоимений и намерения говорящего состоят не в том, чтобы «наметить множество альтернатив» для слушающего, «исчерпывающих ситуацию»²², что было бы характерно для вопросительного местоимения в частично диктальном вопросе, а сузить количество альтернатив до некоторого класса, обладающего рядом признаков в данном фрейме. В данном примере намерения говорящего, обладающего стереотипными представлениями о фрейме «социальные опросы», состоят в том, чтобы произвести референцию к конкретной группе людей, которые выполняют заказы на проведение социальных опросов за деньги, и поэтому этим опросам не стоит верить. Это тот вывод, который должен сделать слушающий, и тот «контекст-тень», «дополнительная аура»²³, которая, по наблюдению Т. В. Николаевой, всегда сопровождает высказывания с акцентным выделением. Характерными маркерами тактики наводящего вопроса являются сообщения-апелляции к модусу слушающего. Например: 1. *Вы действительно верите в...?* 2. *Простите...* 3. *Вы знаете...?* 4. *Вы уверены...?* Эта тактика направлена на изменение знаний, ментального состояния собеседника.

Ещё один пример:

— *Простите... А потом, кто стал это оружие туда поставлять? Откуда там взялись эти миражи, потом прилетели на Мальту ливийские офицеры...?*

(Открытая студия: «Новая война»)

Нетрудно заметить, что даже произнесённая эмоционально, данная ИТР (наводящего вопроса) не направлена на изменение психологического состояния собеседника, хотя в качестве перлокутивного эффекта возмож-

но и общее повышение эмоционального фона. Как показывает материал, влияние на психологическое состояние собеседника более характерно для манипулятивных тактик.

При манипулятивных тактиках выбор не прямых средств, в отличие от ИТР, обусловлен выбором говорящего. Говорящий не затрудняет интерпретацию слушающего, а наоборот, стимулирует её нужное проявление. В данном случае цель сообщения раздваивается, и реальная цель коммуникации остаётся скрытой, что особенно заметно в контекстах, где говорящий обнажает свои манипулятивные намерения.

Примером такой манипулятивной тактики может служить *тактика рефрейминга*, при которой в качестве пресуппозиции выступают черты двух похожих фреймов, а пропозиция содержит дополнительный, скрытый компонент, который в случае удачного применения тактики может быть эксплицирован говорящим:

— *Вот я сейчас попробую с предельной деликатностью, предельно аккуратно сформулировать характеристику, а вы мне скажете: обижая я вас этой характеристикой или нет? Перешел я некие границы или нет? Вот, возьмем: сын божий, родившийся от девственницы, прекрасной и добродетельной девушки, сделавший в течение своей жизни много прекрасных поступков, в том числе и воскресивший мертвого. Оклеветанный и преданный, этот человек принимает мученическую смерть и возносится на небо к своему отцу по велению этого отца. Я нигде не перешел рамки? Это корректное изложение?*

— *Ну не вполне, но более или менее.*

— *А я говорил о Геракле! Я говорил о сыне Зевса и Алкмены, я говорил о том, кто воскресил Алекстиду, я говорил о том, кто добровольно вошел на костер. Видите ли, все религии, к сожалению, собраны из одних и тех же запчастей. Просто эти запчасти располагаются в несколько разном порядке.*

(Открытая студия: «Бог с нами?»)

В данном примере тактика рефрейминга строится за счёт замены конкретных референтных именных групп (ИГ) на атрибутивные ИГ²⁴. Таким способом говорящий выдвигает на первый план некоторые общие черты обсуждаемых объектов. Он создаёт и благоприятный эмоциональный фон, необходимый для эффективного использования манипулятивной тактики. Так, приведённое выше сложное высказывание содержит сообщения, имплицитно выражающие интеллектуальное превосходство слушающего над говорящим: *Перешёл ли я границы? Я нигде не перешёл рамки? Это корректное изложение?;* сообщения, имплицитно выражающие внимательное, бережное отношение к собеседнику: *Я попробую сформулировать... с предельной*

осторожностью, предельно аккуратно; обижаю ли я Вас этой характеристикой? Другой группой маркеров данной тактики являются слова, вводящие пропозицию: *возьмём, предположим, допустим* и др. С их помощью создаётся эффект совместного с собеседником построения гипотезы, что в конце концов приводит к удачной реализации тактики рефрейминга. Это видно по реакции собеседника. Так, на последний вопрос говорящего, согласен ли слушающий с выдвинутой гипотезой, последний с неуверенностью заявляет, что он согласен.

Нужно отметить, что реакции слушающего могут служить дополнительным индикатором для выделения тактик речи как показатели *категории взаимообусловленности общения*²⁵. Так, при ИТР наводящего вопроса вместо ответа характерна пауза обдумывания, а при манипулятивных тактиках, как в приведённом примере, реакция должна сигнализировать об успешности/неуспешности осуществления манипулятивной тактики.

Таким образом, были рассмотрены возможности реализации *стратегической неопределённости* на примере тактик непрямого общения, среди которых были выделены иллокутивные тактики речи (ИТР) и манипулятивные тактики. Общим для них является «пропозициональная непрозрачность»²⁶ вводимых в рассмотрение объектов, а основным критерием разграничения служит *коммуникативная установка говорящего* на полный/неполный характер распознавания его намерения. Кроме того, можно выделить различные маркеры ИТР и манипулятивных тактик речи. Как показывает материал, функция влияния на психологическое состояние собеседника свойственна, скорее, манипулятивным тактикам, чем ИТР. В задачи будущего исследования входит выделение различных ИТР и манипулятивных тактик, определение их количества в данном типе дискурса на основе предложенных критериев различия.

Примечания

- ¹ Бронник Л. В. В поисках единицы речевого общения (когнитивно-синергетический фильтр идей) // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. Сер.: Обществ. и гуманитар. науки. 2009. № 106. С. 83–89.
- ² Андреева С. В. Разговорная русская речь и её единицы // Первый междисциплинарный семинар «Анализ разговорной русской речи» АР -2007, 29 августа 2007 года, Санкт-Петербург : [труды семинара]. СПб., 2007. С. 37–42.
- ³ Прямая в непрямую коммуникация: Сб. науч. статей. Саратов, 2003; Дементьев В. В. Не-прямая коммуникация. М., 2006. С. 374.
- ⁴ Гурочкина А. Г. Манипулирование в лингвистике // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. Т. 3. № 5. СПб., 2003. С. 136–141

-
- ⁵ Дементьев В. В. Указ. соч. С. 65
- ⁶ Там же.
- ⁷ Lyons J. Semantics. London, 1978. V. 1–2.
- ⁸ Падучева Е. В. Говорящий как наблюдатель: Об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. № 3. Т. 52. С. 34.
- ⁹ Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. С. 225.
- ¹⁰ Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 41.
- ¹¹ Там же. С. 21.
- ¹² Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. Е. В. Падучевой. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 27.
- ¹³ Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 89.
- ¹⁴ Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1997. № 5. С. 66–87.
- ¹⁵ Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М., 2009. С. 15.
- ¹⁶ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957. М., 2007. С. 6.
- ¹⁷ Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. С. 9.
- ¹⁸ Стросон П. Ф. Намерение и конвенции в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 135.
- ¹⁹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка М., 1955. С. 47–48.
- ²⁰ Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985. С. 233.
- ²¹ Николаева Т. М. Функции акцентного выделения в устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности / Под ред. О. А. Лаптевой. Красноярск, 1985. С. 293–326.
- ²² Падучева Е. В. Указ. соч. С. 240–241.
- ²³ Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 2004. С. 15, 49.
- ²⁴ Шмелёв А. Д. Указ. соч.
- ²⁵ Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М., 2009.
- ²⁶ Шмелёв А. Д. Указ. соч. С. 46, 54.

Ефремова Мария Юрьевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОТРАЖЕНИЕ ЭМОТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ В СЛОВАРЯХ

За основу принимается следующее определение класса полифункциональных слов, которое дано в книге «Современный русский язык» под ред. проф. В. А. Белошапковой в разделе «Интонация и синтаксис». Это слова, «которые могут функционировать как знаменательные и служебные (*где, еще, какой, когда, куда и др.*) или как служебные с разными значениями (*а, вот, и, да, ну, хоть бы и др.*). Я остановлюсь на анализе слова *вот*. Конкретизация значений полифункционального слова происходит в процессе взаимодействия лексики, синтаксиса, интонации и смысловых связей в контексте предшествующей и последующей реплики или предшествующего и последующего предложения.

Известно, что в словарях интонация не передается, так как в звучащей речи обязательным предполагается восприятие предложения в целом, которое выражает смысловое и эмоционально-стилистическое содержание.

Различные интонационно-смысловые структуры позволяют носителям языка различать предложения с точки зрения коммуникативного типа, или эмоционального состояния говорящего, или по синтаксическому признаку.

Так, например, в изъяснительных предложениях с союзом *что* в главной части употребляются слова, выражающие процесс мысли, речи, восприятия.

Мне думается, что он успеет купить подарок.

Такие семантические свойства слова (способность выражать процесс речи, мысли, восприятия, а также физическое и психическое состояние субъекта и явления природы) реализуются в синтаксисе, который используется говорящим как в письменной, так и в устной речи.

Но в области звучащей речи с помощью интонации реализуются другие семантические компоненты слова.

Например, при выражении затруднения и преодоления затруднения смысловозначительную роль играет место центра ИК-2. В вопросительном предложении центр ИК-2 находится на местоименном слове, в повествовательном предложении на частице *вот*.

Сравним предложения с сочетаниями *вот почему*², *вот где*², *вот какой*² (в ситуации затруднения) и *во²т почему*, *во²т где*, *во²т какой* (в ситуации преодоления затруднения, пояснения).

— *Вот почему² он ушел?*
Не понимаю. (компонент затруднения, частица *вот* имеет усилительное значение)
 — *Попробуй, спроси у него.*

— *Во²т почему он ушел. Я догадалась!* (компонент преодоления затруднения, частица *вот* имеет указание на ситуацию)
 — *А ты и не знала?*

В русском языке рассматриваемые предложения содержат эмоциональный компонент, выражаемый сочетанием частицы *вот*, местоименным вопросительным словом и местом центра ИК-2.

В повествовательных предложениях пояснение затруднения, как правило, предшествует предложению с частицей *вот*. Например,

— *Около метро были пробки. (Он долго стоял в пробке).*
 — *Во²т почему он опоздал.*

Эти предложения имеют синонимы, которые содержат указание и на лексико-синтаксическую семантику и на коммуникативный тип. У синонимов есть слова, которые не могут образовать оппозиций. Сравним:

Вот почему он ушел? = Ну, вот все-таки, почему он ушел?
 Аналогично:
Вот почему он ушел! = Так, вот, оказывается, почему он ушел. (значит, получается, выходит).

Рассматриваемые предложения с *вот*, содержащие эмоциональный компонент, употребительны в русском языке как в разговорной речи, так и в художественной литературе. В разговорной речи каждый элемент приобретает большое значение и в русском, и в корейском языке.

Показанные выше речевые ситуации характерны и для корейского языка. Но обозначаются они по-разному. В корейском языке отсутствуют предложения с полифункциональными словами, соответствующие русским *вот где*, *вот, куда*, *вот какой* и др. В корейском языке эти ситуации передаются лексико-синтаксическими средствами. Сравним:

— *Вот где² он живёт?*
Мы уже час ищем его дом. (어디
 에 — где, 그가 — он, 살나 — жи-
 вет?)

— *Во²т где он живёт! В со-
 седнем с ней доме.* (그가 — он,
 바로 — вот, 여기에 — здесь,
 살다 — живет.)

Слово *вот* в русских предложениях с ИК-2 в корейских эквивалентах будет переводиться словом 바로, которое переводится на русский язык словами именно, как раз, вот.

Русская оппозиция *Вот где он живёт* в корейском языке отсутствует. При сопоставлении важно учесть возможности русского порядка слов. Частица *вот* может быть в разных частях предложения. Например,

- *Он вот здесь живет.*
- *Он здесь вот живет.*

Наличие слова *вот* легко разряжает эмоциональный компонент. В корейском языке эмоциональный компонент отсутствует в той степени, как в русском языке. Мы может *вот* и не употреблять.

- *Он здесь живет.*
- *Он живет здесь.*
- *Здесь он живет.*

Слово *здесь* является указателем коммуникативного типа на повествовательность. В корейском эквиваленте сочетаются слова *здесь* и *вот*. Из-за этого уменьшаются возможности эмоционального компонента. А в русском языке *вот* может быть и с ИК-1 и с ИК-2.

Предложение *Во²т почему он опоздал* на корейский язык часто будет переводиться как *Поэтому он опоздал*. Сочетания *вот почему* не будет. Частица *вот* усиливает вопрос и вызывает ИК-2, активизирующую эмоциональное состояние в русском языке. В повествовательном предложении *вот* может быть со словом *поэтому* или просто *поэтому*. Более характерно употребление без слова *вот*. Такие предложения скорее всего будут соответствовать русским синонимам типа *Здесь, оказывается, он живет*.

Приведем подобные примеры:

Вот с како ² й целью он приехал?	어떻게도와줄수있나? 생각이없다.	Как помогать (суф. 'делать для кого-л.') мочь сделать? Мыслей нет.
Вот ² с какой целью он приехал.	바로이렇게도와줄수있다. 돈을줄것이다.	Вот так помогать (суф. со знач. 'делать для кого-л.') мочь сделать. Деньги (+ В. п.) дать (+ буд. вр.).

Вот что ² надо сделать? Не могу вспомнить.	무엇을 해야 하지? 기억이 나지 않아.	Что (+ В. п.) делать (суф. долженствования) делать? Память (И. п.) помнить не.
Вот ² что надо сделать. Сходить в магазин.	바로 이것을 해야 하지. 가게에 가는 거야.	Вот это (В. п.) делать (суф. долженствования) делать. Магазин (Д. п.) в идти (суф. причастия наст. вр.) будь.

Как показывает анализ материала, в корейском эквиваленте в лексико-синтаксическом составе и в произношении отсутствует эмоциональный компонент. В предложениях преобладают лексико-грамматические средства тех значений, для передачи которых в русском языке широко используются лексика, и синтаксис, и интонация.

В русско-иноязычных словарях представлены эти полифункциональные слова, но, как правило, какое-либо одно значение или отсутствуют оппозиции, показывающие эти различия (различия этих слов как полнозначных или служебных).

Так, в русско-корейском словаре (сост. Тонъ Ван, Ким Хак Су) приводится следующий пример исследуемых сочетаний:

Вот почему он так поступил. 그가 어떻게 행동한 이유는 여기에 있다
 Дословный перевод: Он (И.п.) так поступать который причина (выделит. частица) здесь (Д.п.) являться.

Из дословного перевода ясно, что это русское повествовательное предложение. *Вот* имеет значение указательности и обобщения ряда обстоятельств, ясных из предшествующего контекста.

Приведем синонимы данного предложения (Они не могут образовать оппозиций):

Вот почему он так поступил. = Вот, значит, почему он так поступил.

Указатели, меняющие лексико-грамматический статус предложения, его коммуникативный тип и не позволяющие образовать оппозицию, могут быть разными. Приведем и другие примеры подобных указателей. В примере *Вот что я хотел сказать* таким указателем будет местоимение *я*.

Вот что я хотел сказать. 실은 이런 말을 하고 싶었어 (из словаря)

Вот со значением указательности и обобщения предшествующих фактов в корейском эквиваленте может либо вообще не передаваться в письменной и устной речи, либо используется слово *실은* (с кор. 'действи-

тельно, в самом деле'). Данное предложение будет соответствовать ИК-1. Такой синоним слова *바로*, вероятно, используется скорее для выражения указательности. Но для выражения значения 'преодоление затруднения' чаще, скорее всего, используется слово *바로*.

Можно привести и другие примеры подобных предложений.

Вот что узнать мне хочется.	실은이게내가알고 싶다.	На самом деле это (И. п.) я (И. п.) знать <i>хотеть</i> (указание на 1 л.).
--------------------------------	-----------------	--

Стоит отметить, что сочетание *вот почему* дано в словарной статье и на слово *вот* и на слово *почему*. Но с разными значениями. Во втором примере (*Вот почему он ушел. Из-за девушки.*) непосредственно называется причина. Такое значение указано в словарной статье слова *почему*. Больше никаких значений в словаре не указано.

Сравним с предложениями:

Во ² т почему он ушел. Девушка при- ехала.	바로그때문에나갔 다. 여자왔기때문이다.	Девушка <i>приехать так как уйти</i> (+ <i>суф. прош. вр.</i>).
Во ² т почему он ушел. Из-за того, что девуш- ка приехала.	바로그때문에나갔 다. 여자왔기때문이다.	Девушка <i>приехать (суф. прош. вр.)</i> <i>из-за уйти (суф. прош. вр.)</i> .

Как видно из анализа, при выражении причины в данных предложениях разный контекст на корейский язык переводится одинаково. *때문에* и — *기 때문에* (из-за) указывают непосредственно на причину.

Корейские эквивалент слова *вот* (*바로*) имеет значение указательности. Исходя из этого можно сделать предположение, что в корейском языке более нейтральные предложения. А в русском языке присутствует эмоциональный компонент затруднения.

Актуальность выбранной темы обусловлена следующим фактом: в русско-корейских словарях из двух членов оппозиции приводится только один и не всегда он является полифункциональным.

Из-за этого в корейском языке при переводе происходят потери тех смысловых компонентов, где активно участвует лексика, синтаксис, интонация и контекст. И возникает недостаточность информации. Поэтому обсуждаемая проблема является проблемой русско-корейских словарей.

Существенным является вопрос о том, что предложения с полифункциональными словами очень употребительны как в разговорной речи, так и в художественной литературе. И везде в этом материале работает принцип взаимодействия лексики, синтаксиса, интонации и контекста.

Примечание

- * С помощью сочетаний с субстантивом $-7]$, который вместе с послелогами и служебными словами используется для подчинения словосочетаний и предложений, в данном случае образуется придаточное предложение причины со значением «из-за», «оттого что». Если действие в обоих предложениях совершается в прошлом окончание $-7]$ присоединяется к суффиксу прошедшего времени.

Иванов Сергей Юрьевич
Санкт-Петербургский государственный университет

О ДВУХ СПОСОБАХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВИДОВОЙ ДЕРИВАЦИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Существует два способа представления видовой деривации глаголов движения. Первый состоит в том, что пространственные приставки присоединяются параллельно к определенным и неопределенным бесприставочным глаголам. Получаемые при этом приставочные глаголы образуют видовую пару, в которой СВ образован от определенного бесприставочного глагола, а НСВ — от неопределенного: *идти* → ***прийти***; *ходить* → ***приходить***. Этот способ, который я назову **параллельной префиксацией**, является господствующим в учебных пособиях по глаголам движения и более общим пособиям.

Второй способ представления видовой деривации глаголов движения восходит к С. И. Карцевскому, впервые описавшему данные глаголы как компактную группу в 1927 году¹. Этот способ, который я назову **сквозной**, или **трехступенчатой деривацией**, привязывает видовую деривацию глаголов движения к общей схеме деривации русских видов, состоящей из приставочной перфективации деривационно первичного НСВ, напр. *читать* → ***прочитать***, и последующей суффиксальной имперфективации с получением вторичного НСВ: *прочитать* → ***прочитывать***. Трехступенчатой схеме *читать* → *прочитать* → *прочитывать* в области глаголов движения соответствует, напр., *идти* → *прийти* → *приходить*.

Последовательно, т. е. применительно ко всем 14 гнездам глаголов движения, данный способ объяснения видообразования не применяется, хотя в методике Г. А. Битехтиной и Л. П. Юдиной выделяются три группы: 1) 6 глаголов движения, у которых пара НСВ образуется по аналогии с неопределенным бесприставочным глаголом, напр. *идти* / *ходить* → *прийти* / *приходить*; 2) глаголы, образующие приставочный НСВ путем суффиксации СВ, напр. *перекатить* → ***перекатывать***; 3) пара *ехать* / *ездить*, образующая приставочный НСВ с помощью связанной основы *-езжать*². Этот способ представления, редко встречающийся в пособи-

ях, можно назвать **смешанным**. При его применении нужно было бы выделить четвертую группу: 4) пару *брести* / *бродить*, которая не образует приставочных имперфективов.

Преобладание способа параллельной префиксации в объяснении видообразования глаголов движения отчасти объясняется тем, что из 8 глаголов, изучаемых на I уровне, 5 глаголов — *идти* / *ходить*, *лететь* / *летать*, *нести* / *носить*, *везти* / *возить* и *вести* / *водить* — относятся к первой битехтинской группе, т. е. у них совпадают основы бесприставочного неопределенного глагола и приставочного НСВ. Из всей группы совпадающих основ в I уровень не входит только *гнать* / *гонять*. Остальные 3 глагола I уровня *ехать* / *ездить*, *плыть* / *плавать* и *бежать* / *бегать* объясняются как исключения из основного правила, коим считается параллельная префиксация.

Приведу несколько доводов в пользу последовательного применения метода сквозной, или трехступенчатой, видовой деривации глаголов движения.

1. Объяснение по трехступенчатой деривации включает глаголы движения в общий процесс русского видообразования, не делая из них столь кричащего исключения, какое имеет место при объяснении через параллельную префиксацию. При параллельной префиксации непространственная приставка создает глагол СВ (*ходить* / *заходить* 'начать ходить'), а пространственная оставляет его НСВ (*зайти* / *заходить*, напр. *в гости*). В трехступенчатом представлении приставка необходимо создает СВ. Пространственная деривация выгладит как *идти* → *зайти* → *заходить*, а непространственная как *ходить* → *заходить*. НСВ *заходить* (*в гости*) при таком взгляде не считается образованным с помощью приставки, а считается результатом имперфективации исходного СВ *зайти*, уже содержащего приставку.

Два замечания к первому пункту. Во-первых, данный пункт имеет преимущество лишь тогда, когда учащимся систематически преподается трехступенчатая деривация Карцевского типа *читать* → *прочитать* → *прочитывать* как всеобъемлющая модель русского видообразования. На практике этого обычно не делается. Во-вторых, даже при включении глаголов движения в сквозную деривацию 6 глаголов первой битехтинской группы остаются исключением, поскольку образуют вторичный приставочный НСВ не путем суффиксации, а путем изменения основы. Однако такое исключение все же менее болезненно, поскольку в русском языке полно глаголов с различными основами СВ и НСВ: *брать* / *взять*,

ложиться / лечь, говорить / сказать и т. п. В этом смысле глаголы движения не представляют никакого нового исключения. Правда, в русском языке видовой супплетивизм обычно замещает префиксальную перфективацию, а не суффиксальную имперфективацию: *брать* → *взять* как *забрать, убраться*; *ложиться* → *лечь* как *положиться, уложиться*; *говорить* → *сказать* как *поговорить*. Супплетивизм как заместитель суффиксации встречается редко, но все же он есть, напр. *вернуться* → *возвращаться*. В этом смысле глаголы движения исключительны тем, что в рамках трехступенчатой деривации замена основы при образовании вторичного приставочного НСВ играет роль не префиксации, а суффиксации. Однако это вполне «структурное» исключение, имеющее аналоги в других глаголах, в то время как при традиционной параллельной префиксации создается дикое, невиданное для нашей грамматики исключение, при котором приставки, присоединяясь к глаголу НСВ, не создают СВ.

Включение глаголов движения в общую видовую деривацию русских глаголов, с одной стороны, развивает тему образования видов, изучаемую параллельно с глаголами движения, а с другой — подготавливает учащихся к освоению глаголов движения II уровня, имеющих более регулярную вторичную имперфективацию.

2. Еще одно исключение из общей картины видообразования при объяснении по параллельной префиксации состоит в том, что у многих глаголов движения приставка вызывает изменение основы: *ездить* → *приезжать, плавать* → *уплывать*. Конечно, у нас есть глаголы типа *глотать* → *проглотить*, основа которых действительно меняется под действием приставки, но трудно найти в русском языке глаголы, которые в одном случае меняли бы свою основу при добавлении к ней приставки, а в других случаях сохраняли бы ее неизменной, ср. *плавать* → *заплывать* и *плавать* → *заплавать*. Принятие сквозной деривации снимает данный вопрос с повестки дня.

3. Трехступенчатая деривация позволяет более наглядно развести, с одной стороны, видовую деривацию с пространственными приставками: *ехать* → *проехать* → *проезжать*, а с другой — деривацию способов действия: *ездить* → *проездить*. Если даже основы глагола в первой и второй деривации идентичны, как в случае *ходить*, при сквозной деривации все-таки видно, что форма НСВ *заходить* (*в гости*) и СВ *заходить* ‘начать ходить’ находятся в разных местах, иначе говоря, на разных ступенях общего хода деривации: СВ, как и положено, на второй, префиксальной, ступени, а НСВ — на третьей, т. е. на ступени вторичного имперфектива.

4. В рамках двух типов дериваций, указанных в п. 3, трехступенчатое представление позволяет в наглядном виде сохранить близость, с одной стороны, бесприставочных неопределенных глаголов и вторичных приставочных НСВ, во многих случаях допускающих взаимозамену, ср. *Мы ехали/ проезжали мимо банка*, а с другой — близость бесприставочных неопределенных НСВ и их СВ-коррелятов, взаимозаменяемых при некоторых способах действия, ср. *Мы ездили / проездили по городу два часа*. При параллельной префиксации семантическая близость сохраняется только во втором случае, т. е. с приставками способов действия.

Особого внимания в связи с этим пунктом требует тот факт, что многие студенты ошибочно полагают, что основы глаголов движения сохраняют различие по признаку определенности даже с пространственными приставками, поэтому у них плохо укладывается в голове контекстная синонимия типа *ехать / проезжать, идти / уходить* и др. На деле приставочные имперфективы глаголов движения сохраняют свойства неопределенных бесприставочных глаголов лишь в той мере, в какой эти свойства совпадают с семантическими свойствами НСВ вообще.

5. Наконец, статистический аргумент. Только у 6 из 14 пар глаголов движения основы бесприставочных неопределенных глаголов и основы вторичных приставочных имперфективов совпадают графически и фонетически. В остальных 8 парах, где такого совпадения нет, метод параллельной префиксации требует либо признать основу вторичного имперфектива исключением, либо проводить объяснение по смешанному типу, как делают Битехтина и Юдина. Повторю, что гнездо *брести/ бродить* вообще исключается из этого списка, поскольку от него вторичные имперфективы не образуются. В трехступенчатой деривации все эти основы выглядят закономерными и даже *приезжать, уезжать* и т. д. сохраняет намек на суффикс имперфективации *-а-*, который исторически здесь скорее всего и присутствует.

Интересно, что в методике Битехтиной и Юдиной, где представлен дифференцированный подход к видовой деривации глаголов движения, способ параллельной префиксации все же косвенно считается основным, поскольку деривационные ошибки учащихся рассчитываются исходя из абсолютизации ими именно способа параллельной префиксации. Авторы методики спрашивают, что делать, если учащиеся говорят **приплывать* вместо *приплывать* и **уездить* вместо *уезжать*, т. е. если учащиеся всегда образуют вторичный имперфектив глаголов движения с помощью основы бесприставочного неопределенного глагола³. Предлагаемый в дан-

ном докладе пересмотр способа объяснения видовой деривации создает необходимое теоретическое основание для решения этого вопроса.

Примечания

- ¹ Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. 2. М., 2004. С. 136–138.
- ² Битехтина Г. А., Юдина Л. П. Система работы по теме «Глаголы движения». М., 1985. С. 37.
- ³ Там же. С. 39.

Кузьменкова Валентина Алексеевна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Описательные предикаты (ОП) относятся к числу языковых универсалий, что подтверждают исследования, проведённые на материале не только русского, но и других языков.

Описательные предикаты занимают особое место в ряду синтаксических единиц, так как обладают одновременно отдельными свойствами фразеологизмов и свободных словосочетаний. По смыслу ОП равнозначны одному слову (что приближает их к лексикологическим знакам), и их главное сущностное свойство — обозначать одну денотативную единицу. Однако на формальном уровне ОП представляют собой словосочетание, состоящее из двух или нескольких единиц (ОП-1): *бросить взгляд, впасть в тоску, совершить ошибку, оказывать влияние*, или предикативную конструкцию (ОП-2): *тоска навалилась, охватила грусть, мелькнула мысль, происходит распад*¹.

Несмотря на разнообразие моделей и широкое распространение ОП во всех речевых жанрах, данное явление пока не нашло должного отражения в лексикографической практике. Насущной проблемой является создание словаря/справочника на основе прескриптивного (предписывающего) и проскриптивного (запрещающего) подходов. При создании справочника по употреблению ОП должны быть реализованы следующие принципы:

- 1) рассмотрение круга полусвязочных глаголов ОП в диахроническом аспекте;
- 2) особенности функционирования видов в ОП;
- 3) закономерности употребления категории числа именного компонента;
- 4) учёт словообразовательных возможностей глагольной основы;
- 5) запреты и ограничения на употребление ОП и однословного глагола-коррелята;
- 6) проблемы лексической и семантической сочетаемости (глагольный + именной компонент в ОП);

- 7) распределение групп поля ОП в текстах различных функциональных стилей;
- 8) закономерности образования ликвидативов, антонимичных и синонимичных конструкций на базе ОП.

К сожалению, рамки данной статьи позволяют лишь в самом общем виде обсудить некоторые из намеченных проблем.

1. Круг глагольных компонентов ОП претерпел значительные изменения. В XIX веке самым распространённым в роли глагольного компонента был глагол «делать», наиболее семантически ослабленный («опустошённый»), в котором в самом общем виде сосредоточена семантика действия. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры: *Странно это: и прокурор, и следователь слушали на этот раз ужасно сдержанно, **вопросов делали** меньше* (Ф. М. Достоевский); *Во мне, однако, было что-то вроде таланта, потому что музыка часто **делала** на меня сильное **впечатление*** (Л. Н. Толстой); (ср. совр.: *задавать вопросы, производить впечатление*). В современном русском языке на месте глагола «делать» во многих ОП стали употребляться глаголы *совершать, производить, осуществлять, оказывать, вести*.

2. ОП могут быть единственной формой для выражения значения совершенного вида при одновидовых глаголах и различать значения видов при двувидовых глаголах. Так, ОП «*произвести переполох*» при определённых условиях может быть заменён однословным предикатом «*переполошить*». ОП «*производить переполох*» не может быть заменён однословным предикатом, так как такого глагола в форме несом. вида не существует.

ОП *делать гримасы* имеет соотносительный однословный предикат «*гримасничать*». ОП «*сделать гримасу*» не имеет соотносительного однословного предиката, следовательно, в данном случае замена невозможна: «*Ребёнка окрестили; причём, он сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что он будет титулярный советник*» (Н. В. Гоголь).

Соотнесённые по виду ОП *оказывать* — *оказать сопротивление* имеют замену только в случае с глаголом несом. вида: *оказывать сопротивление* — *сопротивляться*; ОП *оказать сопротивление* не имеет соответствующего однословного коррелята: «*Базаров взял на руки ребёнка, который, к удивлению Фенечки, не оказал никакого сопротивления*» (И. С. Тургенев).

3. Одним из важных принципов лексикографического представления ОП следует считать выявленную в ряде случаев зависимость между употреблением видовых форм и категорией числа. В большинстве случаев при глаголе несовершенного вида в составе ОП употребляется существи-

тельное во множественном числе: *наносить удары, делать (строить) гримасы, делать (совершать) круги, бросать взгляды*. При глаголах совершенного вида мы встречаем, как правило, существительное в единственном числе (*нанести удар, сделать (состроить) гримасу, сделать (совершить) круг, бросить взгляд*).

4. Пользователям словаря/справочника важно знать о запретах и ограничениях на использование ОП или соотносительного однословного предиката. Запреты могут носить морфологический, лексический и синтаксический характер². **Морфологический характер** запретов не обусловлен контекстом и проявляется в том случае, если особенности глагольной основы препятствуют образованию отглагольного существительного³. В таких случаях образование ОП из-за отсутствия deverbative невозможно. К **лексическим запретам** следует отнести, например, невозможность образования ОП с некоторыми однонаправленными или разнонаправленными глаголами движения в переносном значении: Так, возможны ОП *нести ответственность, нести потери; вести записи, протокол, переписку; идёт собрание, заседание*. Но невозможно: **носить ответственность, потери; *водить записи, протокол, переписку; *ходит собрание, заседание*.

К числу **синтаксических запретов** относятся, например, такие случаи, когда при именном компоненте имеется факультативный член ОП — имя прилагательное, например: *Маятник совершает крутильные колебания*. В этом предложении терминологическим становится всё сочетание «*крутильные колебания*» (колебания бывают *малыми, гармоническими, линейными, одномерными, синусоидальными, параметрическими*). Замена на однословный предикат не рекомендуется, так как при этом нарушается семантика научного текста. В ОП *дать обет, принять схиму, нести послушание, давать показания* именной компонент имеет значение определённого понятия. Трансформация подобных ОП в однословный предикат запрещена или ограничена, так как значение глагола шире, чем значение каждого отдельного ОП. Замена на однословный предикат затруднена, если в модели ОП-2 отсутствует семантический субъект: «*Произошло короткое замыкание*». В предложениях типа «*Он сделал мне подарок*» или «*Учёный сделал важное открытие*» трансформация на однословный предикат запрещена, так как при трансформации однословный предикат останется без объектной позиции: *«*Он открыл*», *«*Он подарил*».

На выбор формы предиката оказывает влияние категория одушевленности/неодушевленности субъекта. Так, при одушевленном субъекте,

обозначающем лицо или группу лиц, возможны обе формы предиката: «*Маша испытывают нужду в деньгах*» и «*Маша нуждается в деньгах*». При неодушевлённом субъекте употребляется предикат только в виде одной словоформы: «*Дом нуждается в ремонте*». Невозможно: *«*Дом испытывает нужду в ремонте*». С другой стороны, здесь важен характер семантики именного компонента. Например, предложение «*Тело испытывает давление*» вполне корректно.

Существуют также стилистические запреты или ограничения на использование соотносительных форм предиката: *выдвинуть предположение* — *предположить*, *производить кормление* — *кормить*, *сделать предположение*- *предложить*.

Как утверждал Ю. Д. Апресян, «свобода перефразирования тем больше, чем менее маркированным является перефразирующее средство и контекст, в котором употреблено исходное выражение»⁴.

Таковы некоторые принципы, которые должны лежать в основе создания словаря/справочника описательных предикатов. Представленная в нём прагматическая информация может быть полезной как русским, так и иностранным учащимся.

Примечания

- ¹ Кузьменкова В. А. Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- ² Всеволодова М. В., Кузьменкова В. А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 5. С. 7–29.
- ³ Шуваев М. Возможности отглагольной синтаксической деривации субстантивов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- ⁴ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 344.

Слободкина Татьяна Николаевна
Санкт-Петербургский государственный университет

ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЯПОНЦАМИ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ СТИЛЕЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что интонация является одним из средств организации не только устной, но и письменной речи. Она оформляет как отдельное предложение, так и текст в целом. Будучи тесно связанной с синтаксической и лексической сторонами языка, интонация участвует как в передаче смысла текста, так и в создании его функционально-семантического стиля.

В разных типах письменных текстов функциональная нагрузка интонации различна. Так, например, в научном тексте интонация носит вспомогательный характер, ее смыслоразличительная роль снижена, поскольку значение здесь выражается преимущественно лексико-грамматическими средствами. В публицистическом тексте также важны лексико-грамматические и контекстные связи, что касается интонации, то наибольшая нагрузка падает на синтагматическое членение и место интонационного центра, в то время как тип интонационного контура может варьировать. Что касается текстов художественного стиля, то в них выбор варианта интонационного оформления обусловлен замыслом автора, который выражает определенную интонацию с помощью лексико-грамматических средств. В художественном тексте интонация является одним из средств создания художественного образа. Сказанное подтверждается исследованиями И. М. Логиновой¹, Н. В. Черемисиной².

Интонация текстов разных функционально-смысловых стилей уже являлась предметом исследования лингвистов, о чем свидетельствуют работы Т. А. Петровой³, М. В. Баламаковой⁴, Н. Д. Светозаровой⁵, Л. А. Пиотровской⁶, О. Ф. Кривновой⁷ и др.

При чтении текста на родном языке человек интуитивно воспроизводит интонацию, опираясь на информацию разного рода в соответствии со своей интерпретацией смысла. При овладении (или при несовершенном владении) другим языком человек оформляет текст в соответствии

с интонационными нормами родного языка, что приводит к появлению нарушений, возникающих в результате действия интонационной интерференции. Особые сложности возникают в ситуации языкового контакта различных по звуковому строю языков, в данном случае русского и японского.

Известно, что интонация универсальна, в каждом языке имеются универсальные черты. Но в каждом конкретном языке интонации присущи свои особенности. Японская интонация существенно отличается от русской, как по функциям, так и по роли ее компонентов.

Известно, что японский — тональный язык. В интонационной системе японского языка для выделения определенных слогов в потоке речи используется тон. Так, в японском языке тон может служить для различения звуковых оболочек слов, то есть может выполнять смысловозначительную функцию. Специфической чертой японской интонации, по мнению некоторых исследователей, является объединение слов в акцентные и интонационные фразы. Акцентную фразу может составлять одно знаменательное слово (как правило, глагол), а также объединение двух слов (служебного и знаменательного), акцентные фразы оформляются тоном. Интонационная фраза является единицей более высокого уровня (в русском языке аналогом интонационной фразы является синтагма). Интонационные фразы одного предложения интонационно не зависят друг от друга, они отделяются паузами, и характеризуются восходяще-нисходящим движением тона. Таким образом, интонационный контур японского предложения напоминает «лестницу», состоящую из подъемов и падений. (Подробнее вопрос японской интонации освещен в диссертационном исследовании И. С. Ибрахим⁸, а также в работах таких зарубежных исследователей, как Vendetti⁹, Beckman и Pierrehumbert¹⁰).

Для изучения интонационной дифференциации в речи японцев при чтении вслух русских текстов разных функциональных стилей нами был проведен следующий эксперимент. Носителям японского языка со средним уровнем языковой подготовки (все они готовились к сдаче теста на второй сертификационный уровень) предлагалось прочитать вслух тексты объемом 80–90 словоформ. Перед прочтением испытуемые предварительно были ознакомлены с содержанием текстов, трудности понимания были сняты переводом на японский язык. Материалом послужили три различных функционально-стилистических типа текста: научный (определение понятия «музыка» из «Современной энциклопедии»), публицистический (фрагмент статьи «Лечитесь музыкой» из Литературной

газеты) и художественный (отрывок из рассказа К. Паустовского «Корзина с еловыми шишками»). Все тексты по функциональному типу речи представляли собой описание. При отборе текстов учитывались следующие параметры: общность темы, разнообразие синтаксических структур предложений в рамках одного текста, наличие сходных лексических единиц и синтаксических конструкций во всех текстах. При обработке полученных данных использовались слуховой фонетический и инструментальный анализы. Инструментальный анализ был проведен с помощью компьютерной программы «Praat5104» по обработке интонации. Также использовались контрастивный и аудиторский анализы.

Результаты эксперимента позволили выявить особенности интонационного оформления японцами текстов разных функционально-смысловых стилей и выделить несколько типов интонационных ошибок, связанных с нарушением компонентов интонации (мелодики, паузы, интенсивности, темпа и длительности) и ее функций.

Так, при чтении японцами всех текстов было допущено большое количество ошибок, связанных с неправильным *мелодическим оформлением* высказывания. Данные ошибки связаны с нарушением функции оформления и противопоставления коммуникативных типов высказывания. Ошибки в мелодике заключались в неправильном движении тона в конце предложения и на стыке синтагм многосинтагменного предложения. По коммуникативной направленности все предложения в текстах были повествовательными. Однако испытуемые в большинстве случаев не понижали интонацию в конце предложения, а, наоборот, повышали. Или же было зафиксировано понижение тона, но с последующим его повышением.

Ошибки в *паузации* связаны с нарушением интонационной функции организации и членения речевого потока на высказывания и синтагмы, обладающие фонетической и смысловой целостностью. Испытуемые неправильно ставили паузы, поскольку синтагматическое членение текста было произведено неверно.

Так, при чтении научного текста деление на синтагмы было выполнено правильно там, где испытуемые опирались на знаки препинания. Так, наличие в предложении тире и запятых (особенно при перечислении) способствовало правильному членению высказывания. В других случаях японцы часто делали паузы после каждого слова, поэтому их речь звучала неестественно. Особые трудности вызвали длинные предложения. При чтении газетного и художественного текстов аналогичных ошибок было зафиксировано больше.

Ошибки в *интенсивности* нарушают функцию выражения смысловых отношений между элементами интонационных единиц. К ошибкам интенсивности было отнесено, главным образом, неправильное определение акцентно выделенного слова синтагмы.

При чтении научных и газетных текстов в качестве интонационного центра часто выделялся глагол (также деепричастие), который выступал для испытуемых главным словом для понимания смысла предложения. Подобные ошибки, как нам кажется, были обусловлены влиянием японского языка, поскольку в японском языке акцент всегда делается на глаголе, в котором заключен основной смысл фразы. При чтении художественного текста ошибок в определении акцентно выделенного слова было зафиксировано меньше, чем при чтении других текстов.

Что касается такого компонента интонации, как *темп*, то в данном случае нарушения заключались в том, что на русский слух темп казался искусственно замедленным, так как испытуемые ставили паузы после каждого слова, а многие слова были прочитаны по слогам. К этому следует добавить нарушения, связанные с неоправданным удлинением гласных. В научном тексте во многих словах гласные были искусственно выделены и растянуты, что придавало речи неестественное звучание.

Несмотря на наличие одинаковых интонационных ошибок, допущенных при чтении научных, газетных и художественных текстов, в целом газетный и художественный тексты были проинтонированы намного хуже, чем научный. Чувствовалось, что испытуемые читали эти тексты механически, монотонно и не обращали внимания на их содержание. И если при чтении научного текста эта «монотонность» была допустима в силу лексико-грамматических особенностей научного стиля, то, например, в газетном тексте, основной функцией которого является функция убеждения, такая монотонность была воспринята аудиторами как неправильное прочтение. Чтение художественного текста по эмоциональному настрою почти не отличалось от чтения текстов других стилей. Испытуемые не смогли почувствовать глубину смысла, заложенного автором, и выразить это интонацией.

Интонационные нарушения, допущенные японскими студентами при чтении текстов разных функционально-семантических стилей были обусловлены несколькими причинами: 1) влиянием интонации японского языка (мелодический контур напоминал мелодическую кривую японского предложения, пауза ставилась после каждого слова, словесное ударение во многих случаях было заменено резким падением тона

на ударном гласном); 2) влиянием лексико-синтаксической структуры русских текстов.

С целью узнать реакцию русских людей (носителей русского языка) на интонационные ошибки японских студентов был проведен также аудиторский анализ. Перед аудиторами стояла задача определить, соответствует ли интонация текста его функционально-семантическому стилю, оценить естественность звучания предложений в тексте, а также указать наличие интонационных нарушений и их характер.

По мнению аудиторов, при чтении научного текста только в 70% случаев интонация испытуемых соответствовала функционально-смысловому стилю текста. Несмотря на то, что в большинстве случаев все предложения текста, как им показалось, звучали естественно, ими были отмечены интонационные ошибки, мешающие восприятию текста как единого целого (нарушения, связанные с мелодикой и паузацией). На вопросы, соответствует ли интонация газетного текста его стилю, было дано в среднем лишь 40% положительных ответов. Несмотря на одинаковые интонационные нарушения при чтении научного и газетного текстов, их смысл воспринимался по-разному. Если в научном тексте интонационные ошибки практически не мешали восприятию содержания и смысла, то в газетном тексте они затрудняли понимание. При прослушивании газетных текстов аудиторы также обращали внимание на нарушение всех компонентов интонации. Результаты аудиторского анализа художественного текста показали, что лишь в 30% случаев чтение испытуемыми текста соответствовало его стилю. Аудиторы здесь также фиксировали нарушения, связанные с мелодическим оформлением речи, постановкой пауз, темпом. Кроме того, всеми аудиторами было отмечено, что, несмотря на то, что большинству испытуемых удалось передать фактическую информацию, заложенную в тексте, они не смогли передать интонацией эмоциональный настрой.

Результаты предпринятого исследования позволяют считать, что изучение роли интонации в характеристике текстов разных функционально-смысловых стилей требует дальнейшего уточнения, как в теоретическом плане — для описания стилеформирующей роли интонации, так и в практическом — для разработки эффективной концепции обучения интонации, в частности русского языка как иностранного.

Примечания

¹ *Логина И. М.* Русская интонация в семантико-семантическом аспекте // Русский язык за рубежом. 1995. № 1. С. 42–46.

-
- ² Черемисина-Ениколопова Н. В. Русская интонация: поэзия, проза и разговорная речь. М., 1999.
- ³ Петрова Т. А. Интонирование научного текста: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993.
- ⁴ Баламакова М. В. Авторская интонация в тексте (стилистическая графика в фонетическом освещении): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998.
- ⁵ Светозарова Н. Д. Интонация в художественном тексте. СПб., 2000.
- ⁶ Пиотровская Л. А. Психолингвистические механизмы интонационного декодирования письменного текста // Человек пишущий и человек читающий: проблемы и наблюдения: Материалы междунар. конф. 14–16 марта 2002 г. СПб., 2004.
- ⁷ Кривнова О. Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- ⁸ Ибрахим И. С. Использование интонации для передачи коммуникативного типа и эмоциональной окраски высказывания в японском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011.
- ⁹ Vendetti J. J. The J ToBI model of Japanese intonation // Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing. 2005; Vendetti J. J., Jan P. H. van Sunten. Japanese Intonation Synthesis using superposition and linear alignment models. Ohio State University, 2000.
- ¹⁰ Beckman M. E., Pierrehumbert J. B. Japanese prosodic phrasing and intonation synthesis. 1998.

Проблемы соизучения
языка и культуры

Гулякова Ирина Геннадьевна
Санкт-Петербургский государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ КАК ТЕКСТ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

**(НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА А. ТАРКОВСКОГО
«АНДРЕЙ РУБЛЕВ» / «СТРАСТИ ПО АНДРЕЮ»)**

Наряду с такими аспектами обучения РКИ, как фонетика, грамматика, анализ художественного текста и т. д., немаловажное место принадлежит лингвострановедению, так как ни у кого уже не вызывает сомнения, что глубокое знание языка невозможно без понимания культуры страны изучаемого языка. Изучение искусства, традиций, обычаев народа, язык которого пытается постичь учащийся, способствует процессу освоения языка в полном объеме.

В рамках страноведческого курса, который включается в программу обучения под названием «Культура России», при изучении раздела «Русская иконопись» студентам предлагается посмотреть и обсудить фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев»¹. Настоящий фильм, по мнению многочисленных критиков, наиболее ярко отражает эпоху расцвета русской иконописи, показывает соответствующий ей сложный период феодальной раздробленности, татаро-монгольского нашествия, княжеских междоусобиц на Руси, рисует русский характер, поднимает проблемы природы творчества и творческого поиска.

Если вписывать тему русской иконы в современное коммуникативное пространство, следует учитывать тот факт, что сейчас идёт активный процесс визуализации информационного потока, что сближает наше время с периодом расцвета русской иконописи, когда вербальный текст не был столь распространен и активен, как в современную эпоху.

Лингвистическая наука сегодня характеризуется повышенным вниманием к изучению текстов, образованных разными семиотическими системами². В этом плане чрезвычайно интересным представляется использование в процессе обучения иностранцев русскому языку текста кинофильма, где вербальная составляющая занимает подчиненное положение.

Цель нашего исследования — разработка эффективных методов обучения русскому языку как иностранному на основе использования таких типов текста, где вербальный текст не является доминирующим. Коммуникативная ситуация, в которой оказываются студенты-слушатели курса, была сформирована следующим образом: просмотр фильма (или основных его фрагментов — в зависимости от уровня языковой и общей подготовки учащихся, в любом случае с комментариями преподавателя) и затем сочинение — описание наиболее понравившегося эпизода с его истолкованием. Возьмем фрагмент, с которого начинается фильм и который играет важнейшую роль в постижении авторского замысла в целом.

Вслед за Ю. М. Лотманом мы рассматриваем кинофильм как текст, образованный несколькими семиотическими системами: «Элементом киноязыка может быть любая единица текста (зрительно-образная, графическая или звуковая), которая имеет альтернативу, хотя бы в виде неупотребления ее самой, и, следовательно, появляется в тексте не автоматически, а сопряжена с некоторым значением»³. Результаты анализа сочинений показали, что не все составляющие кинотекста, сформированные на основе различных семиотических систем, использованных создателями фильма, с одинаковым успехом воспринимаются студентами.

Мы обращали внимание студентов на следующие элементы партитуры фильма: название фильма и его частей, видеоряд, речь персонажа, музыка, цветовое решение, темп воспроизведения.

Названия частей. Каждая часть фильма имеет свое название, например, «Скоморох», «Праздник», «Распятые», «Набег». «Колокол». Имя собственное в таких названиях имеет концептуальный смысл, направляя тем самым сознание зрителя в нужное русло. В отличие от всех других частей, первая, начинающая фильм, не имеет собственного названия. Отсутствие номинации допускает большую широту трактовок, о чем свидетельствуют тексты сочинений. Студенты по-разному называют этот эпизод: «Начальная сцена», «Пролог», «Полет».

Само же название фильма, предшествующее первой части, — «Страсти по Андрею» — не вызывает у иностранных (в частности, американских) студентов особых трудностей, поскольку они погружены в ценности христианской религии больше, чем современные русские студенты.

Видеоряд. Нельзя не обратить внимание на то, что студенты истолковывают текст на основе представлений западной культуры. Заметно, что они, во-первых, плохо знают русскую историю и, во-вторых, находятся в плену некоторых иллюзий.

Времена, изображенные в эпизоде, кажутся им жестокими потому, что еще не подверглись влиянию христианской культуры. В сочинениях учащихся Россия часто представляется как нечто существующее обособленно от западного этноса. Поэтому общечеловеческие коллизии кажутся им присущими только славянскому этносу (Цитата из сочинения: «Люди на Руси, когда Рублев жил, они не любили новые идеи. Они не любили изменения»)⁴. Постоянно встречаются изрядно устаревшие суждения о взаимоотношениях Древней Руси с Ордой, о борьбе отдельных княжеств между собой; студенты не соотносят факты русской истории с фактами истории Западной Европы.

В то же время образ человека, который совершает полет на воздушном шаре, интерпретируется ими в рамках общечеловеческих идей, хотя и получает разное истолкование. В работах представлены три трактовки этого образа.

Первая. Полет истолковывается как стремление выдающегося одиночки, бунтаря, пассионарной личности (по Л. Н. Гумилёву) подняться над своим временем, опередить его, оторваться от укоренившихся представлений, «взлететь» над своей эпохой. В этом смысле полет — символ социальной свободы. (Из сочинения: «Он смеялся, радовался и был свободен — но скоро он вернулся на землю. Ненадолго он думал, что он был свободен, но после свободы вернулась грусть»; «Нет причины жить без любви и страстности»).

Вторая. Полет истолковывается как символ проявления энергии творческого начала. Такие единичные проявления творческого начала обычного человека и дают пассионарный толчок всему этносу, гарантируя ему успешное будущее (Из сочинения: «Это метафора для художника. Чтобы стать креативным, нужно жить опасно, не без риска. Это опасно, но возможно основать... новое искусство. Андрей Рублев жил так: он не был понятим, но все-таки он делал свое искусство и дал миру прекрасные иконы, которые дают любовь и нежность во время войны и монгол. Вот это искусство»). Параллель между дерзким создателем воздушного шара, опередившим свое время, и Андреем Рублевым проводится во многих сочинениях (Из сочинений: «Он летел выше и выше...Он умер, но все помнят его, как мужчину, который летел»; «Андрей особый — не похож на других монахов...Тоже в прологе этот человек был особый — не хотел жить на земле, как другие люди. Он любит необычные вещи, как исследование. Подобным образом, Андрей любит необычные вещи...»). Некоторые видят сходство между взлетевшим человеком и мальчиком, построившим

колокол («Возможно думать, что история нам рассказывает: не попробуй, не делай опасные вещи. Но когда история в контексте фильма, есть другое значение. В фильме мальчик построил колокол, даже он не знает, как это делать. Поэтому я думаю, что история о человеке, который хочет лететь, учит нас, что надо попробовать. Может быть, ты умираешь, но если ты никогда не попробуешь, потом что это твоя жизнь? Надо попробовать, надо создать, надо жить. И может быть, ты летишь»).

Третья. Полет рассматривается как проявление гордыни, желание сравняться с Богом. Это поступок, с точки зрения пишущего, заслуживающий осуждения. Студент отмечает греховность самого желания сравниться с Богом. Попытка состязаться с Небом неизбежно должна быть наказуема. Человеку не дано летать.

При любом варианте трактовки многие студенты приходят к выводу, что в целом эпизод, несмотря на трагический финал (гибель героя), не создает настроения безысходного пессимизма. Человек реализует себя как личность, потому что способен достичь поставленной цели. (Из сочинения: «В конечном счете для обоих на конце была грусть, но еще есть немножко надежда, потому что у Андрея есть человек, который построил колокол, и человек в прологе получил его цель (лететь)»).

В этом отношении важно обратить внимание на завершающую сцену эпизода. Лежащая на спине лошадь переворачивается, подымается, встает и бежит мимо распростертого на земле человека. Именно эта символическая сцена, по мнению студентов, и придает эпизоду оптимистическое звучание.

Следует отметить важность отдельных повторяющихся образов фильма, приобретающих символическое значение, таких, например, как текущая вода (известный христианский символ очищения). В «Прологе» в течение всего полета летящий видит далеко внизу вьющуюся полноводную реку, плывущие по течению лодки. Далее текущая вода лейтмотивом проходит через весь фильм (дождь, под которым бредут три монаха; лесной ручей, в котором растекаются краски ослепленных иконописцев; могучее течение реки, которую переплывает преследуемая монахами прекрасная язычница; прозрачная речушка, лицом в которую падает пронзенный татарской стрелой ученик Андрея; колкий дождик, секущий сторбленного Рублева, безмолвно тянущего свою монастырскую службу в долгий период молчания; ливень, под который подставляет лицо счастливый Бориска, нашедший чудесную глину; и, наконец, сочащаяся вода, сквозь которую проступают прекрасные краски и образы рублевских икон, написанных им после духовного возрождения).

Речь персонажей воспринимается студентами труднее всего: значение и смысл слов практически не улавливается или истолковывается наименее адекватно по двум причинам: недостаточное знание языка и специфика фонограммы. Однако студенты выхватывают из потока речи те фрагменты вербального ряда, которые отмечены эмфазой: они понимают восторг летящего: «Лечу...лечу-у-у!..» и охвативший его ужас падения: «Акимушка-а-а!»

Темп. Американские студенты, приученные к острым и динамичным сюжетам, жаждут активного действия и по-разному воспринимают замедленный темп происходящего на экране: одних он утомляет и заставляет скучать, другие пытаются увидеть в этом особый смысл, соответствующий замыслу режиссера. «Фильму нужен медленный темп, — пишет один из студентов. — Режиссер хотел показать, что восприятие жизни было другим, потому что темп жизни был другим». «Зрителю нужно время, чтобы вдуматься в происходящее на экране», — пишет другой. Интересно наблюдение студентки, пишущей о том, что быстрый темп в фильме связан только с трагическими событиями, например, набегом татар на Владимир. Следует добавить, что воспроизведение быстрого темпа в фильме обманчиво: так, всадники мчатся к городу бешеным галопом, но сама скачка длится очень долго, создавая эффект нарастающего напряжения. Такой же эффект создается позднее в эпизоде «Колокол» (подробное описание всех деталей создания колокола, затянувшийся обряд освящения колокола, медленно раскачивающийся язык колокола — и, наконец, густой и мощный долгий звук, изданный колоколом и прорвавший невыносимое напряжение).

Большое впечатление производит на зрителей звучащая в «Прологе» **музыка**. Она так же, как и замедленный темп действия, участвует в нагнетении тревожного напряженного настроения. По мнению одного из студентов, именно музыка придает эпизоду обобщающий, символический смысл: «Больше всего мне нравится начальная сцена...Что действительно делает эту сцену выдающейся — музыка. В течение всего испытания продолжается медленная, зловещая музыка, которая как бы предсказывает конечную судьбу летящего человека. Мне кажется, что это фантастическое изображение русского общества вообще. Люди, стоящие на земле, боятся надвигающихся перемен, которые символизирует музыка» (перевод мой. — И. Г.).

В сочинениях студентов не остается также незамеченным **цветовое решение** фильма: «Мне нравится черный и белый цвета в фильме. Они

самые лучшие представлять репрессии на Руси, и менталитет людей, и отсутствие свободы, любви и веры. Но контраст черного и белого с цветом в эпилоге показывает, что Андрей много боролся, чтобы найти веру и христианскую любовь»; «Мне нравится конец фильма, когда изображения на экране стали яркими. Для меня это символизировало настойчивость русских».

Таким образом, мы обнаружили, что разные составляющие кинотекста по-разному воспринимаются студентами, участвуя в формировании конечного представления о фильме.

Ценность данного эпизода в фильме Тарковского проявляется также в том, что судьбы персонажей проецируются на современное режиссеру время, в том числе и на его собственную судьбу.

Отдельной линией исследования могут быть интертекстуальные связи данного эпизода, что создает перспективу для работы с таким глубочайшим фильмом, как шедевр Тарковского

Итак, сделаем некоторые выводы.

Креолизованный текст, взятый в совокупности всех составляющих его компонентов, является более универсальным по сравнению с чисто вербальными текстами и легче поддается восприятию.

Специфика невербального текста состоит в том, что он более чем любой другой тип текста дает основания к самым разнообразным трактовкам. Студенты воспринимают видеоряд, а также другие элементы и уровни киноязыка в соответствии со своим социально-культурным контекстом, вследствие чего преподавателем обязательно должна производиться корректировка трактовки невербального ряда.

Примечания

- ¹ Как известно, существует две версии фильма Тарковского: «Андрей Рублев» и «Страсти по Андрею». Мы используем здесь название «Андрей Рублев» как более устоявшееся и удобное, хотя показываем вторую, более полную версию.
- ² *Рогова К. А.* Лингвистический аспект креолизованного текста: Ю. Рост «Групповой портрет на фоне века» // *Русский язык за рубежом*. 2012. № 3. С. 54–61.
- ³ *Лотман Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики // *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб., 1998. С. 315.
- ⁴ Здесь и далее цитаты из сочинений американских студентов приводятся без изменений.

Зиновьева Елена Иннокентьевна, Абыякая Олеся Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕРЗНУЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Под языковой картиной мира (ЯКМ) понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности¹. ЯКМ формируют различные языковые средства: лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические, тексты и их совокупности, а также вербализованные стереотипные представления носителей лингвокультуры.

Стереотипное представление, на наш взгляд, — это устойчивая в национальном языковом сознании «мыслительная картинка», соответствующая мировосприятию данного фрагмента ЯКМ представителями лингвокультурного сообщества.

Стереотипные представления (как и в целом стереотипы), как справедливо отмечает Н. В. Уфимцева, всегда национальны, а если встречаются аналоги в других культурах, то это *квазистереотипы*, ибо, совпадая в целом, они различаются нюансами, деталями, имеющими принципиальное значение².

Рассмотрим стереотипное представление о человеке, испытывающем чувство холода, как фрагмент русской ЯКМ, принимая во внимание его вербализацию на языковом (словарном) уровне, речевом (функционирование в контекстах художественной литературы и публицистики) и уровне языкового сознания (результаты анкетирования носителей языка).

Стереотипное представление о мерзнувшем / замерзшем человеке вербализуется в русском языке целой серией фразеологизмов. Например, *продрогнуть (промерзнуть) (до мозга) костей, посинеть от холода, зуб на зуб не попадает у кого-либо*. Устойчивые сравнения (УС) русского языка с разными основаниями также актуализируют данное представление: *замерзнуть, продрогнуть как бобик; замерзнуть как ледышка; замерзнуть, продрогнуть*

как собака; замерзнуть как *цуцик*, холодный как *лед/ледышка*; холодный как *лягушка*; дрожать, трястись, трепетать как <осиновый> лист³.

Символом самого устойчивого, незыблемого и не подверженного изменениям основания человеческого тела в русской наивной языковой картине мира являются *кости*, поэтому промерзание *до костей*, а тем более *до мозга костей* означает самую высокую степень ощущаемого холода. Ср.:

«Он лишь переместился к копенке и зарылся в сено — за ночь *продрог до костей*» [Лев Корнешов. Газета (2000)]; «Я *промерз до костей*, онемел от мороза, стучал из последних сил подошвами бурок о снег» [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]; «Усталость давила, плющила. *Продрог до мозга костей*» [Вячеслав Рыбаков. Трудно стать Богом (1996)]⁴.

Стереотипное представление в русской лингвокультуре рисует образ замерзшего человека, который трясется от холода, поэтому у *него* *зуб на зуб не попадает*. Ср.:

«Я очень замерз, прямо *зуб на зуб не попадает*» [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004)]; «Холодно. *Зуб на зуб не попадает*» [Борис Акунин. Чайка // «Новый Мир», 2000].

Меняется цвет лица замерзшего, что обозначается фразеологизмом *посинеть от холода*. Ср.:

«— Джулио весь в рубцах. Джулио *посинел от холода*. У Джулио нет другого платья, ни папы, ни мамы нет у Джулио, — плаксиво хнычет, обливаясь потом, десятилетний жулик» [Б. Л. Пастернак. Апеллесова черта (1915)].

В качестве эталонов русских УС выступают зоонимы, из которых наиболее частотны наименования собаки — *собака*, *бобик*, *цуцик*, что связано с «мыслительной картинкой» мерзнущей на улице, на морозе собаки, а также *лягушка*. Образ лягушки используется чаще, когда речь идет о частях тела человека — замерзших конечностях. Ср.:

«— Михаил, это я, — сказал наконец человек, поднимаясь на крыльцо. — Открывай, а то *замерз как собака*» [Андрей Геласимов. Год обмана (2003)]; «Новый срок получил, отмотал, и тут опять случился грех: *замерз, как цуцик*, вот и стащил брюки» [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]; «„Очень приятно“, — сказала Наташа. *Рука — узкая, холодная, как лягушка*. Что делать?» [И. Грекова. Перелом (1987)].

В качестве эталонов выступают также природные реалии, связанные с зимой — *лед*, *ледышка*, использующиеся преимущественно для характеристики конечностей человека и других отдельных частей тела, существительное *лист* и обязанное своей эталонизацией библии сочетание *осиновый лист*⁵.

В анкетировании приняли участие жители Санкт-Петербурга (91 человек от 17 до 65 лет). Основную массу респондентов составили люди в возрасте от 30 до 40 лет (45 %), представители разных профессий (менеджеры, экономисты, редакторы, бизнес-тренеры, инженеры, преподаватели и т. д.) с высшим образованием (68 %). В анкеты были включены задание продолжить сравнения: *мерзнуть как...*, *трястись от холода как...*, *дрожать от холода как...*, *холодный как...* и написать фразеологизмы, обозначающие сильно замерзшего человека.

Полученные в результате анкетирования данные подтверждают в целом устойчивость сравнений в русском языке. Наиболее частотными оказались следующие сравнения: *мерзнуть/взмерзнуть/замерзнуть как собака* (с расширением *бездомная собака*) — 37 ответов, *цуцик* — 37 ответов, встретилось также расширение УС — *мерзнуть как цуцик на морском дне*, *суслик* — 9, *волк* — 2, *волчий хвост* — 2, к этой же тематической группе эталонов-зоонимов можно отнести такие единичные ответы, как *мерзнуть как зюзик*, *тузик*, *бобик*, *сивый мерин*, *лягушка*, *зяблик*, *паршивый поросенок*. Кроме данной группы эталонов приведенных информантами сравнений, можно выделить группу «Наименования лиц»: *мерзнуть как сволочь* — 4 ответа, *Маугли* — 2, *как негр*, *индеец*, *Снегурочка*. Отдельную группу эталонов УС составляют единицы, связанные с восприятием зимы как холодного времени года: *мерзнуть как зимой* — 2, *мерзнуть/замерзнуть как ледышка*, *как сосулька* (интересно расширение УС, возникновение которого связано с экстралингвистической ситуацией в городе в последние годы — *бесхозная сосулька*). К эталонам-топонимам можно отнести ответы: *как на морском дне* — 2 и *как на Северном полюсе*. Современными реалиями обусловлено появление в ответах респондентов следующих сравнений: *как в жидком азоте*, *как еда в морозильной камере*, *как будто только из холодильника*.

Наиболее частотным эталоном УС с основаниями *трястись* и *дрожать (от холода)* оказалось словосочетание *осиновый лист*: 11 и 35 ответов соответственно.

В устойчивых сравнениях с основанием *трястись* встретились также эталоны тематической группы «наименования растений»: *осина* — 3, *лист* — 2, *лист/тростинка/травинка на ветру*, *деревья от ветра*. Отчетливо выделяется и группа эталонов-зоонимов: *трястись от холода как суслик* — 8, *собака* — 6, *маленькая собачка* (варианты: *щенок*, *Чихуахуа*), *цуцик* — 5, *заяц* — 4, *зяблик* — 3, *волчий/заячий/собачий хвост/хвостик* — 5, *мышь* — 2, *паршивый поросенок*, *кролик*, *трясогузка*. Объем-

ные тематические группы эталонов составляют наименования болезней и эмоциональных состояний: *трястись от холода как эпилептик* — 3, *паралитик* — 2, как в лихорадке — 6, как от нервного тика — 2, как скаженный; *от страха, от смеха, от волнения, как перед экзаменом*. В плане отражения современных жизненных реалий показательна группа эталонов-наименований лиц: *трястись от холода как космонавт в космосе без скафандра, как бомж, как бедный студент*. К эталонам-наименованиям бытовых реалий можно отнести *трястись от холода как студень* — 3, *желе* — 2, *маятник, холодильник, отбойник*.

В УС с основанием *дрожать* использованы следующие тематические группы эталонов: «наименования растений» — *осиновый лист/листок/на ветру* — 38 ответов, *лист* (с расширениями *банный/осенний/березовый/на ветру*) — 10, *береза/березка/осина/травинка* — 5, *лепесток, стебель, рябиனுшка, осина*; «наименования животных» — *цуцик* — 2, *собака* — 4, *щенок, заяц* — 2 (с расширениями: *заяц от страха, заяц при виде волка*), *воробей, птенчик, зяблик, цапля, пингвин, суслик, еж от тумана, скотина, мышь, овечка, овечий хвостик*; «наименования лиц» — *бомж, сирота, испуганный мальчик, фриц под Сталинградом, паралитик, ошпаренный*. Один раз встретилось образное сравнение *дрожать как тщедушное худенькое тельце*.

Синонимичность глаголов *дрожать* и *трястись* обусловила употребление одних и тех же эталонов в сравнениях с этими основаниями, ср. *трястись и дрожать как от страха, как холодильник, желе*.

Среди устойчивых сравнений с основанием — прилагательным *холодный* на первое место по частотности выходит существительное *лед* (46 ответов), а также группа ассоциативно связанных с ним эталонов, в том числе и прецедентное высказывание: *ледышка* — 7, *сосулька* — 3, *кубик льда, айсберг/айсберг в океане/, а ты такой холодный, как айсберг в океане* — 9. Выделяется тематическая группа эталонов, связанных со смертью: *труп/трупики* — 8, *покойник* — 7, *спина покойника, мертвец, могила*. Мир природы вербализован в эталонах *лягушка* — 6, *камень* — 3, *мрамор* — 2, *космос* — 2, *рыба*. Единичными ответами представлена тематическая группа эталонов, связанных с зимой: *зима, зимняя ночь, стужа, снег*, а также группа наименований бытовых реалий: *морозилка, чай, нож, шланг водопроводный*. Исключение составил только такой эталон как *мороженое/эскимо*, встретившийся в ответах опрашиваемых 3 раза.

Информанты привели следующие устойчивые сочетания и идиомы, характеризующие сильно замерзшего человека: *превратился в ледышку* (11), *превратился в сосульку* (3), *превратился в льдинку/лед, превратился*

в снеговика/снежную бабу; промерзнуть/продрогнуть до костей (7), пробирает до костей (2), промерзнуть до животиков, ооченеть/замерзнуть до мозга костей (2); зуб на зуб не попадает (с расширением от холода) (17), зубы сводит от холода, стучать/застучать зубами (2), стучать зубами так, что зуб на зуб не попадает, клацать зубами, лязгать зубами от холода, дубу давать, чуть дуба не врезал/не дал (2), чуть не оочуриться от холода, надуть ласты; дрожжи продает.

Большую группу устойчивых сочетаний составляют ответы, описывающие части тела человека, а также изменения, происходящие с организмом человека: *губы посинели/синие (2), покрыться гусиной кожей/пупырышками (2), скукожиться от холода, от холода мозг свело, нос как ледышка, сосульки из носа растут, синеть от холода, побелеть от холода, онеметь от холода, живая сосулька, человек-ледышка, сейчас пальцы отваливаются, не чувствующий ног, рук-ног не чувствую, ноги сводит от холода, ледяные руки, руки заледенели, покрыться льдом, чокнулся от холода, на тебя смотреть холодно, труп ходячий, перезимовавший рак, похож на сосульку, как из проруби.*

Отвечая на вопрос о фразеологизмах, характеризующих сильно замерзшего человека, респонденты привели большое количество глаголов, входящих в одну лексико-семантическую группу «мерзнуть/замерзнуть» и отличающихся по своей стилистической отнесенности: *примерзнуть, замерзнуть, задрыгнуть, озябнуть, заледенеть, оледенеть, обледенеть, заиндеветь, околеть, ооченеть, задубеть, одубеть, задеревенеть, окаменеть, остолбенеть (от холода), застекленеть.* Многие из этих глаголов представляют собой метафоры, раскрывающие стереотипное представление о том, что замерзший человек уподобляется льду, инею, дереву, столбу, стеклу по признаку температуры тела и неподвижности.

Во фразеологическом словаре китайского языка зафиксированы следующие единицы, характеризующие замерзшего человека: устойчивое сочетание, обозначающее, что тело непроизвольно качается в связи с внешними раздражителями (в частности, холодом); устойчивое сочетание, в буквальном переводе означающее «струнный музыкальный инструмент вибрирует», данное сочетание используется как метафорическая характеристика людей, испытывающих озноб. Словарь отмечает еще 2 фразеологизма, в буквальном переводе звучащие, как «испытывать голод и холод» и «страдать от голода и холода».

На настоящий момент не существует отдельного словаря устойчивых сравнений китайского языка.

Для выявления интересующего нас стереотипного представления о мерзнувшем человеке в китайской языковой картине мира был проведен опрос 65 носителей китайского языка. В качестве респондентов выступили бакалавры, магистранты и аспиранты, обучающиеся в вузах Санкт-Петербурга, преподаватели русского языка в Китае, переводчики. Возраст опрошенных от 19 до 44 лет. Основную массу респондентов составили филологи. Форма анкеты была такой же, как и для носителей русского языка. С учетом того лингвистического факта, что глаголы *трястись* и *дрожать*, являющиеся синонимами и в русском, и в китайском языках, носителями китайского языка практически не дифференцируются, мы суммировали одинаковые ответы, касающиеся устойчивых сравнений *трястись от холода* как и *дрожать от холода* как.

В результате анализа полученных данных можно констатировать в целом меньшую устойчивость сравнений китайского языка по сравнению с русским, что проявилось в наличии большого количества единичных сравнений в анкетах. Наиболее частотными явились следующие сравнения (в порядке убывания частотности и в буквальном переводе на русский язык): *мерзнуть как мороженое* (с расширением сравнения *мороженое на палочке*) — 14 ответов, как *сосулька* — 7, как *собака* (с вариантом как *дрожащая собачка*) — 6, *мерзнуть как (покойник, мертвый, мертвец, труп)* — 6, как *морковь* — 4, как *камень* — 4, как *ад* (вариант как *в аду*) — 2, *мерзнуть как умереть (как смерть)* — 2, как *твердая сталь* (вариант как *железо*) — 2, как *дерево* — 2, как *ягодицы обезьяны* — 2, как *цыпленок* — 2, как *сердце* — 2, как *дурак (глупец)* — 2. Эталоны окказиональных сравнений (зарегистрированных в анкетах по 1 разу) относятся к тем же тематическим группам, что и устойчивые. Это названия лиц: *посинелый человек, вампир, бродяга без куртки, снежный человек*; наименования животных: *обезьяна на море от ветра, заяц, кошка, гадкий утенок, еж, птица, пингвин, медведь* (последнее существительное отмечено с отрицательной коннотацией), наименования, связанные со льдом и снегом: *ледник, сосулька, снеговик*; единицы лексико-тематической группы смерти: *смерть, мумия*. Из не образующих тематических групп эталонов следует отметить как *хурма, ударенная инеем* и *мерзнуть до потери сознания*.

Устойчивыми сравнениями с основаниями *трястись (дрожать) от холода* следует признать следующие: как *лист (листья, осенний лист, листья на осеннем ветру, листья при буре, два вялых вьющихся листа)* — 18 ответов, как *решето* — 16, как *кошка* — 7, как *щенок* — 5, *больные эпилепсией (при приступе эпилепсии)* — 5, *пациент (больной, заболел)* — 5,

как трава (вариант как трава наверху стены) — 3, как удар электрического разряда — 2, как перебранные струны музыкального инструмента (вариант как шелестят струны музыкального инструмента) — 2, как су-дорога — 2.

Только с основанием сравнения *трястись* были даны следующие ответы: как пациент, у которого Паркинсон — 4, а только с основанием *дрожать* были получены такие ответы: как пламя — 3, как встряска (дрожание) телефона (мобильника) — 2, как утка — 2, как собачка — 2.

Интересны своей образностью такие единичные сравнения как *дрожать как язык, который произносит «р»* (это реакция студента-филолога, изучающего русский язык), *дрожать как Дед Мороз без одежды*, *дрожать как лодка на воде*, *трястись как ветхая изба от ветра* и *трястись как треснувшая кастрюля*. Кроме того, современная действительность породила такие сравнения, как *трястись как рессора*, *поезд*, *машина*, *маятник часов*, *будильник*, *дизель*.

К устойчивым сравнениям китайского языка можно отнести такие сравнения с основанием-прилагательным *холодный* как: *холодный как лед* — 17 ответов, *как ледник (погреб)* — 13, *камень* — 5, *мороженое* — 4, *зима* — 4, *труп* — 3, *ветер* — 3, *сосулька* — 2, *собака* — 2, *иней* — 2, *мороз* — 2, *прорубь* — 2. В этой группе сравнений выделяются УС с эталонами-топонимами: *холодный как в России* — 4, *на Северном полюсе* — 3, *в Арктике* — 2, *в Сибири* — 2. Единичные сравнения используют такие эталоны сравнения как *ад*, *холодильник*, *мороженный тофу (соевый творог)*, *щенок*, *сосулька*, *морг*, *лед*, *снег*, *конь*, *дождь*, *нож*. Среди единичных сравнений также выделяются эталоны-топонимы: *Санкт-Петербург*, *Луна*, *Южный полюс*, *Антарктида*, *Харбин*.

Информанты привели следующие фразеологизмы, характеризующие сильно замерзшего человека: *замерзнуть в кость* (вариант: *в костный мозг*), *ветер вошел в кость* (*морозный ветер как будто входит в кость*), *холод проходит сквозь кость*, *холод проходит сквозь кожу*, *мороз так силен, как будто прокалывает в кость*; *холодный воздух (зимний ветер) проникает в тело*; *страдать от голода и холода*; *налить холодную воду на спину*; *холодный как лед и иней*; *нельзя расправлять конечности от холода*; *шелестеть и дрожать*; *дрожать от холода*; *верхние зубы бьют нижние*. В анкетах было приведено прецедентное высказывание: *у богатых ворот запах мяса и вин, на дорогах же кости замерзших* (стихотворение Ду фу эпохи Тан).

Из частей тела, которые сильно мерзнут, и фигурируют в сравнениях китайского языка, следует отметить следующие: конечности — прежде

всего, *руки: руки мерзнут как камень, холодная рука как редька, холодные руки как свиные ноги, руки и морковь как колбаса, руки и ноги как лед*. Кроме того, зафиксированы фразеологизмы *руки и ноги онемели, руки и ноги не мои*. Соматизм *лицо* функционирует в составе следующих УС: *лицо как красное яблоко, лицо как хурма после заморозки, лицо как попка обезьяны, холодное лицо как фиолетовый батат*. Ср. фразеологизм — *лицо синее от холода*.

Таким образом, проведенное сопоставление позволяет сделать вывод о том, что стереотипное представление о мерзнувшем человеке вербализуется и в русской, и в китайской ЯКМ фразеологизмами и устойчивыми сравнениями. При этом степень устойчивости сравнений выше в русской лингвокультуре, при наличии большего числа образных окказиональных сравнений в китайской лингвокультуре. Тематические группы эталонов УС совпадают: это зоонимы, фитонимы, наименования лиц, наименования реалий неживой природы, наименования хозяйственно-бытовых реалий, болезней, тематическая группа смерти. Совпадают и отдельные эталоны УС: *лист, лед, сосулька, мороженое, камень, собака* и др. Обращает на себя внимание разница в восприятии ада носителями русского и китайского языков: русские представляют ад как место, где очень жарко, а китайцы — как место, где очень холодно. Среди русских эталонов УС не фигурирует *решето* — очень частотный эталон китайских УС. Представление о том, что кости — это последнее, что промерзает у человека, свойственно наивной картине мира и русских, и китайцев, что вербализовано во фразеологии двух языков. Замерзающий человек испытывает одинаковые физические ощущения в любой культуре, поэтому и признаки проявления физического состояния одинаковы: *зуб на зуб не попадает или «верхние зубы бьют нижние»*. При характеристике отдельных соматизмов в интересующем нас фрагменте ЯКМ обоих языков выделяются конечности человека и лицо, которое меняет цвет на оттенки синего. Но характеристика лица замершего человека представлена в китайской фразеологии более детально. Эталоны УС, характеризующих лицо человека, испытывающего холод, в китайском языке являются безэквивалентными относительно русского языка: *попка обезьяны, хурма после заморозки* и др.

Лингвокультурологический анализ вербализации образа мерзвущего человека в русской и китайской ЯКМ показал, что наивные представления представителей двух лингвокультур совпадают только в целом, различаясь рядом национально-специфических черт, что дает возможность говорить о существовании квазистереотипов.

Примечания

- ¹ Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 34–48.
- ² Уфимцева Н. В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 75–88.
- ³ Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб, 2003; Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.
- ⁴ Здесь и далее иллюстративные примеры сайта www.ruscorpora.ru — Национальный корпус русского языка.
- ⁵ См.: Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 386–387.

Конг Сун Янг

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКОЙ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Доклад посвящен сопоставлению функциональной стилистики современного русского языка и корейского языка.

Большим достижением лингвистики XX века является изучение системы языка, его структурной организации. Однако случилось так, что оно заслонило некоторые существенные признаки языка, в том числе особенно актуальные для стилистики. В настоящее время в связи с развитием функционально-коммуникативных направлений исследования языка все шире проявляется интерес к речи и тексту.

По мнению лингвистов, основными предпосылками формирования стилистики в качестве особой научной дисциплины считаются три фактора:

- 1) выдвижение в начале XX века идеи о различении языка и речи, а несколько позже — внимание к функциональной стороне языка; 2) разработка проблематики литературного языка и нормы; 3) идея системности¹.

В современном русском языке выделяют пять основных функциональных стилей: научный, публицистический, официально-деловой, художественный, и разговорный, которые различаются в зависимости от конкретной ситуации общения.

Под функциональными стилями русского языка понимают исторически сложившиеся и социально осознанные системы речевых средств, используемых в той или иной сфере общения и соотносимых с той или иной сферой профессиональной деятельности.

В современном русском литературном языке выделяются книжные функциональные стили: научный, публицистический, официально-деловой, которые выступают преимущественно в письменной форме речи, и разговорный, которому свойственна главным образом устная форма речи.

Некоторые ученые выделяют еще в качестве функционального стиля художественный (художественно-беллетристический), то есть язык художественной литературы. Однако эта точка зрения вызывает справедливые возражения. Писатели в своих произведениях используют все многообразие языковых средств, так что художественная речь не представляет собой системы однородных языковых явлений. Напротив, художественная речь лишена какой бы то ни было стилистической замкнутости, ее специфика зависит от особенностей индивидуально-авторских стилей. В. В. Виноградов писал:

«Понятие стиля в применении к языку художественной литературы наполняется иным содержанием, чем, например, в отношении стилей делового или канцелярского и даже стилей публицистического и научного. Язык национальной художественной литературы не вполне соотносительна с другими стилями, типами или разновидностями книжно-литературной и народно-разговорной речи. Он использует их, включает их в себя, но в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде»².

В русском языке каждый функциональный стиль представляет собой сложную систему, охватывающую все языковые уровни: произношение слов, лексико-фразеологический состав речи, морфологические средства и синтаксические конструкции. Все языковые черты функциональных стилей подробно описаны.

Итак, функциональная стилистика стремится изучить, в какие системные отношения входят языковые средства при функционировании языка в зависимости от типичных и традиционных, прежде всего социально актуальных сфер общения. Также функциональная стилистика определяет, как языковые единицы организуются в потоке речи, т. е. на текстовой плоскости.

По сравнению с точками зрения русских лингвистов до XX века корейские лингвисты рассматривали стилистику как науку о средствах выражения или как изучение индивидуального стиля писателей. Задачей стилистики являлось изучение эмоциональной окрашенности речи, способов выражения чувства человека в художественной литературе, выявления индивидуально-поэтического стиля речи, понятия личного стиля писателей.

Лингвистами отмечено, что в корейском языке различаются типы текстов по специфическим языковым средствам.

Однако жанры и типы лингвистических текстов не слишком отличаются. Жанры можно считать разновидностью в различных сфе-

рах общения, а язык используется для коммуникативной деятельности в конкретной ситуации, т. е. по сферам речевой деятельности язык отражает специфику языка. Совокупность данных черт определяет стиль. Таким образом, типы лингвистических текстов — это разновидность текстов, в которых отражен определенный стиль. Иными словами, жанры и типы лингвистических текстов объединяются функцией³.

В корейском языке стиль изучается в целом тексте, а не в отдельном предложении. При этом южнокорейские лингвисты выделяют стили не по функционированию, а по следующим признакам:

- 1) по способу записи: стиль исконно-корейской письменности, стиль письма с китайскими иероглифами, смешанный стиль письма, при котором используются корейская письменность и слова китайского происхождения, написанные корейскими буквами,
- 2) по вежливости: стиль вежливой речи, стиль простой речи,
- 3) по форме речи: стиль письменной речи, стиль устной речи,
- 4) по жанру произведения: стиль писем, которым пользовались женщины при переписке, стиль переводного текста с китайского языка,
- 5) по степени стилистической окрашенности: «стиль короткого предложения», «стиль длинного предложения», «стиль сильного выражения», «стиль нежного выражения», «стиль сухого повествования без окраски», «стиль с определением яркой окраски»,
- б) по назначению речи: газетно-публицистический стиль, официально-деловой стиль, стиль стихи, стиль романов.

В последнее время корейские лингвисты замечают необходимость исследования лингвистических концепций современной теории стилистики, в том числе, исследования стилистических значений единиц корейского языка⁴.

В корейском языке функции языка начали изучать в конце XX века. Так как история образования и формирование системы корейского языка уникальны, исследование функциональной стилистики корейского языка пока недостаточно полное в сравнении с другими языками.

Для достижения цели общения в современном корейском языке подчеркивается функционирование стилей речи по типам текстов и по типам дискуссии, так как каждый текст характеризуется определенными условиями общения.

Отмечая, что читающие не путают приговор с научной литературой, корейские лингвисты исследуют стилистические черты разных текстов и определяют типы текстов по функциям речи.

По сферам и целям речи типы текстов имеют свой стиль. Современные корейские лингвисты выделяют следующие стили:

1) стиль сообщения (подстили — стиль новостей, стиль статьи, стиль учебников, стиль профессионально-научной литературы, стиль отзывов и т. д.); 2) стиль обращения (подстили — стиль рекламы, стиль оповещения, стиль объявления, стиль просьбы и т. д.); 3) стиль обязанности (подстили — стиль договора, стиль речательства, стиль обещания, стиль утверждения и т. д.); 4) стиль контактов, имеющий в речи благодарность, поздравление, сердечный приём и выражение соболезнования; 5) стиль декларации, который выполняет функцию назначения и завещания; 6) стиль художественной литературы⁵.

Функциональная стилистика корейского языка базируется на обобщенном понятии стиля высказывания или текста и изучает типы текстов по способам записи с разными значениями, например, использование китайских иероглифов или английских слов в научном тексте; по лексическим типам, например, частотное использование терминологии в научном тексте или использование диалектов в художественном произведении; по грамматическим явлениям, например, отсутствие 1-го и 2-го лица в научном тексте; по целям и ситуациям общения, например, использование определенного разных типов предложения в рекламе (вопросы, побуждения, просьбы, императивы и т. д.)⁶.

Хотя между корейским и русским языками критерии выделения функциональной стилистики и точки зрения исследователей не одинаковы, в двух языках отмечается важность функциональной стилистики для четкого выражения цели коммуникации.

В корейском и русском языках цели исследования функциональной стилистики направлены на понимание характера использования языковых средств, поэтому необходимо подробно выявлять грамматические, лексические, морфологические и синтаксические особенности функциональной стилистики двух языков.

Сопоставительное изучение корейской и русской функциональной стилистики позволит усовершенствовать методику преподавания русского языка корейцам.

Примечания

¹ Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М., 2010.

² Виноградов В. В. Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.

³ Ган Бум Мо, Ким Хонг Гю, Хо Мен Хи. Анализ текстов корейского языка и стилей // Вестник корейской ассоциации лингвистических наук. Сеул, 1998. № 22.

⁴ Пак Ган Су. Стилистика корейского языка: Учеб. пособие. Сеул, 1995.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Морозов Максим Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ» СРЕДСТВАМИ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Слово «коррупция», согласно одной из версий, заимствовано в 20-е годы XX в. из английского языка. Corruption «коррупция, подкуп» восходит к лат. corrumpere — растлевать, лат. corruptio «подкуп, порча, со-вращение, упадок». В словарях приводится такое определение коррупции: Подкуп взятками, продажность должностных лиц и политиков¹, общественных деятелей², использование служебного положения в корыстных целях³, в целях личного обогащения; как правило, сопровождается нарушением законности⁴; в РФ понятие не уголовно-правовое, а собирательное, определяющее правонарушения самого различного вида — от дисциплинарных до уголовно-правовых⁵; моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами⁶; Взятки могут даваться в денежной или натуральной форме; коррупция считается чрезвычайно вредным социальным явлением: она подрывает веру людей в обоснованность принимаемых решений и справедливость и действенность законов. Во многих странах коррупция неизбежна, так как заработная плата государственных служащих и полицейских настолько низка, что они не в состоянии прожить, не беря взяток⁷, и не срастаясь с мафиозными структурами⁸, см., например, крылатое выражение *Полицейские и воры* (публ., название итальянского художественного фильма (1951) режиссеров С. Ванцина и М. Моничелли)⁹. Большая советская энциклопедия утверждает, что коррупция характеризует «эксплуататорские» и «империалистические» государства с «буржуазным» государственным аппаратом и парламентом¹⁰. В Словаре современного русского языка коррупция также приписывается лишь капиталистическим странам¹¹.

Относительно новое для русского языка слово «коррупция» имеет синоним «взяточничество», то есть участие в получении или даче «взят-

ки». Этот факт подтверждает, например, Малый академический словарь, где коррупция определяется как «подкупность, продажность должностных лиц и общественных деятелей», про взяточничество же говорится, что это «получение взяток, а также дача взяток», то есть «денег или вещей, даваемых должностному лицу как подкуп за совершение каких-л. действий по должности в интересах дающего»¹², должностное преступление¹³. В Большом академическом словаре более детальное описание взятки, это «подарок, вознаграждение должностному лицу с целью заставить его сделать что-либо в интересах дающего подкуп; вынужденные поборы с зависимых и подчиненных представителями власти»; то же, что «взятка» (устар.), то есть «добыча, собираемая пчелами с цветов за один раз или за определенный промежуток времени» и собственно «собранный в улье мед»¹⁴. Этимологический словарь М. Фасмера относит данную форму мужского рода — «взяток» — к XVIII веку и говорит о ее диалектном употреблении, «взяток» «то, что пчела собирает и уносит на ножках»¹⁵. Явление «коррупции», «взяточничества», согласно летописным записям, было известно уже в Древней Руси и осуждалось наравне с пьянством и колдовством. Распространению взяточничества мог способствовать тот факт, что вплоть до XVIII века чиновники жили за счет подношений, то есть «кормлений», в виде денег, продуктов питания и прочего. В Историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» в статье о поговорке взятки гладки говорится, что это «народное выражение связано со взяточничеством подьячих, воевод и других чиновных лиц средневековой Руси. Некогда взятки еще не были «гладкими», то есть их официально разрешалось брать в зависимости от занимаемого положения. С появлением свода законов Ивана Грозного — «Судебника» (1550) — начинается официальная борьба со взяточничеством. При Борисе Годунове, например, дьяков, бравших взятки, не только публично секли, но и возили по городу с повешенным на шею незаконным приносом. Преступный обычай, однако, в среде русского чиновничества не могли искоренить даже столь жестокие наказания, и «гладкими» (то есть нулевыми) взятки оказывались лишь у тех, кому дать было нечего или у тех, кто мог себе позволить ничего не давать»¹⁶. Заработную плату российское чиновничество начинает получать со времени царствования Петра I. Однако исключить «коррупционную составляющую» ни одному из российских правителей так и не удалось. В Большом толково-фразеологическом словаре русского языка М. И. Михельсона приводится множество иносказательных слов и выражений, описывающих взятку, взяточников и, в целом, явление взя-

точничества (читай — коррупции). Слово «взятки» заменяли эвфемизмами, использовали иностранное, «непонятное» слово *акциденции*. По мнению В. Г. Бортника, «пришрое, не понятное широким слоям слово чужого языка было изначально эвфемистично. Это его свойство усиливалось внедренным в русское сознание представлением о том, что все заграничное лучше своего. Вот и появлялись у русских слов двойники. Сравним, например: своекорыстный — меркантильный, себялюбец — эгоист, живодер — живоглот, кровосос — эксплуататор, головорез, налетчик — бандит, гангстер»¹⁷. Среди эвфемизмов также *принос* или *привоз* (намек на старинный обычай — приноса «служащим». *Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода (судья) принос (привоз)*), среди русских синонимов — *смазка*, отсюда *подмазка*, *подмазать*, *подмаслить* (подкупать, как для легкости хода подмазывают (подмасливают) колеса; обороты *барашек в бумажке*¹⁸ и *безгрешные доходы* (намек на мнение лиц, получающих такие доходы, что эти добровольные приношения законом не воспрещаются, а потому считаются законными и безгрешными).

Несмотря на то, что «внутренняя форма» фразеологизма устарела с появлением в эпоху Петра I конвертов (куда и стали вкладывать деньги), выражение «Барашек в бумажке» в ироническом употреблении встречается в литературе вплоть до начала XX века¹⁹.

Взяточников именовали *куроедами*, *куроцанами*, живоглотами, гарпиями (о женщинах; Гарпия (миф.) — баснословное крылатое чудовище, птица с девичьим лицом; они похищают (по Гомеру) людей; (по Гесиоду) они мучают людей, похищая и оскверняя их пищу). А тех, кто взятку дает, кого обирают, из кого извлекают всевозможную пользу называли дойными коровами, они, в свою очередь как бы защищаются: *Взятки (телятки) гладки (с нас) — ничего не возьмешь*.

Саму ситуацию описывают следующие слова и выражения: *прежде одну свинью кормили, а теперь с поросятами* (посл. нар.) — намек на учреждение Екатериной II губерний и уничтожение «воевод», и народившихся затем взяточников-приказных. Ср. *Большие птицы кормятся не зернышками* (кит. посл.), «*взять срыва*», *сорвать взятку, переминуться с ноги на ногу, раз, да горазд, Панама (панамщина)* (О подкупе влиятельных лиц и французской прессы по поводу прорытия Панамского канала).

Когда взятку давали, это могли назвать: *тяпнуть, ханпнуть, схватить, посеребрить руки, серебряные, золотые глаза вставлять*; когда, наоборот, брали, говорили *хабара (хабары) хватить — хабар* по-татарски «весть». О том, что взятка это не всегда деньги, свидетельствуют такие выражения

борзыми щенками брать, обеды (давать) — для услаждения влиятельных лиц, один из «каналов» Скалозуба, «чтобы чины получить».

Взяточника характеризовали следующим оборотом: *Рыльце в пуху*. Быть причастным к взяточничеству было предосудительно, значило *мундир марать*.

Г. В. Бортник проследил судьбу таких исконно русских синонимичных обозначений взятки как *посул, принос (привоз), мзда*. По наблюдению ученого, слово *посул* не выходило из активного употребления вплоть до XX века, помета устр. появляется только в «Толковом словаре» Ушакова 1939 года. Впоследствии семантическая структура этого слова сводится в словарях к единственному значению «обещание». Слово *принос* встречается в Словарях В. И. Даля и М. И. Михельсона. Г. В. Бортник предполагает, что *принос* одно из первых обозначений взятки, так как пословица *Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода (судья) принос* имеет в своем составе реалию «воевода», должность же эта существовала в период Московской Руси, а если верить былинам, то и вовсе в домосковские времена. Наиболее жизнеспособным автор называет слово *мзда*. Зафиксированное еще в «Повести о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове» (конец XVI или 20–40-е годы XVII в.), помету устр. *мзда* получает только в «Словаре русского языка» 1981–1984 гг., однако это не понижает востребованности слова в публицистических текстах. Вероятно, разгадка кроется в ироническом употреблении, которое избавило слово *мзда* от пометы устар. в «Большом толковом словаре», в то время как его производные *мздоимец, мздоимщик, мздолюбец, мздолюбие* по-прежнему остаются в корпусе устаревшей лексики. Заимствованные синонимы взятки *акциденция, бакшиши, коррупция* также зафиксированы в «Словаре русского языка XVIII в.» и датируются соответственно 1718, 1722, 1768 годами. Латинизм *акциденция*, по мнению Г. В. Бортника, вышел из употребления в XIX в. из-за принадлежности к философской терминологии. Тюркизм *бакшиши*, обозначающий «чаевые», «подачку» не является близким синонимом взятки. Арабский *хабар* начиная со Словаря Ушакова получил помету устар. и в нормативных словарях отнесен к разговорной, просторечной, диалектной и даже жаргонной лексике. В разряде пассивной и устарелой лексики оказалось русское *хапанцы*, просторечия *хапуга, хапун, хапужничать, хаповщина, хаптура, хапай-ла, хапуля*, а также окказионализм Н. С. Лескова *хаптусь гевезен*. Арабский же *магарыч* в просторечии стал обозначением взятки в виде угощения. Форма мн. числа отглагольного существительного *поборы* указывает на многократность и повторяемость действия. Эвфемизм *благодарность* в «Словаре современного русского ли-

тературного языка» имеет помету устарелое, однако этот синоним взятки остается весьма востребованным. Более широким понятийным содержанием по сравнению с такими синонимами как *взятничество*, *мздоимство*, *лихоимство* обладают слова *коррупция*, *коррумпированность*. Западноевропейские заимствования, призванные облагородить остроумные, но «забористые» отечественные синонимы все же возобладали в русском языке. Возможно, в большей степени в силу экстралингвистических причин²⁰.

О перспективах взяточничества говорил афоризм: *Пока будут люди с их слабостями — будут даваться и приниматься взятки, будь это деньгами, борзыми щенками, лестью или «натурою»*: так говорит Заратуштра. Другой афоризм из словаря М. И. Михельсона как бы успокаивает: *За инога взяточника, который «оберуч загребает», надо радоваться, что он не обезьяна: ведь загребал бы четырьмя руками! Не нами это началось, не нами и кончится.*

Материал пословиц на тему взяточничества дает представление о следующих русских культурных установках:

1. Участие во взяточничестве (получение взятки, дача взятки, посредничество) свидетельствует о безнравственности человека. *Продал душу за овсяный блин. Мошенник, кто дает, а плут, кто берет. На мир беда, а воеводе нажиток. Соблазн велик — и совесть молчит.*

2. Участие во взяточничестве порицается окружающими. *Ты скажи-ка, гадина, сколько тебе дано? Иному слово не скажи, а только рубль покажи. За взятки не по головке гладят, а куда надо садят. Падок до взяток, как муха до меда. Подкупленного судью на том свете за ребра вешают. Кто взял — на том один грех, кто дал — на том сто.*

3. В сознании русского народа бытует мнение о том, что любую проблему можно решить с помощью взятки. *Стоит крикнуть да денежкой брякнуть, так и все будет. Брось псу кусок, так не лает. Быть было беде, да случились деньги при бедре. Возьми на калачи, да только делом не волочи! Золото железо режет (или: переедает). Золотой молоток и железные двери (или: запоры) отворяет. Порожнем кланяться — голову вскружит. Порожнем не наклоняешься. Порожними руками с судьей не сговоришь. Просьбы не докуки, как не пусты руки. С переднего крыльца отказ, а с заднего — милости просим! Скорее дело веришишь, коли судью подаришь. Судейскому обету, рубль на примету. Судью подаришь, все победишь (или: правду победишь). Сухая ложка рот дерет. Тот прав, за кого праведные денежки молятся. Тяжелы поклоны — с легким даром. Что черно, что бело, вызолоти — все одно. Не подмажешь — не поедешь.*

4. Взятка может быть значимее правды, истины. *Если золото всплыло — правда потонет. Когда деньги говорят — правда молчит. Мзда глаза ослепляет. Глаза золотом запорошат — ничего не увидишь. Дело правое, да в карма-*

не свербит. За правду плати и за неправду плати. Наши правы, а сто рублей дали. От доброго приноса и правда с кольцом живет (на цепи). Перед судом все равны: все без окупа виноваты. Поплатись за правду, поплатись и за неправду! Правое дело, а в кармане засвербело.

5. Взяточничество распространено. Пчелка и та взятку берет. В суд ногой — в карман рукой. Вор виноват, а подьячий мошине его рад. Всяк подьячий любит калач горячий. Глуп дает деньги, глупей того не берет. Дьяк у места — что кошка у теста, а как дьяк на площади — то господи прости (стар.). Заступить заступил, а пять рублей слупил. Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода (или: судья) принос. На то даны руки, чтоб брать. На то руки привешены, чтоб брать. Не ходи к воеводе (или: в суд) с одним носом, ходи с приносом! Около печи нельзя не нагреться. Перед богом ставь свечку, перед судьей мешок! Подьячий любит принос горячий. Помутит бог народ — накорми воевод! Суд по форме — судей покормит.

Взяточничество (коррупция) — явление интернациональное. В декабре 2006 года в британском журнале «The Economist» была опубликована статья с подзаголовком «У коррупции есть свои правила хорошего тона». Автор делится впечатлением от поездки на Украину, где местный милиционер разъяснил ему, что при отсутствии декларации достаточно заплатить «штраф» и благополучно выехать из страны. Далее журналист приводит целый ряд эфемизмов, используемых в разных странах мира для обозначения понятия «взятка»: плата за ускорение (англоязычные страны), деньгами за скорость (Индия), что-нибудь на выходные (нигерийские полицейские), маленький подарок (Северная Африка), прохладительный напиток (мелкие чиновники из Анголы и Мозамбика, а также мексиканские дорожные полицейские), хороший кофе (Ирак), бакшиш (на фарси может означать и «чаевые», и «пожертвование», и «мзду», используется во многих странах Ближнего Востока), чай (на суахили одновременно означает «чай» и «взятку»), встречается, например, в Кении), конверт (Греция, Китай и др.), на расходы (Нигерия).

Сегодня об отношении общества к коррупции можно судить по афоризмам, которые тиражируются в Интернете и прессе. Высказывания, в основном, носят ироничный характер. По-прежнему актуален эфемизм благодарность: *Размеры моей благодарности будут безграничны в пределах разумного* (С. Альтов); *Это только иностранцы дают в России взятки, а наши люди не дают — они гневно выражают благодарность!* (М. Лашков); *Взятка — это корысть, а благодарность — человеколюбие!* (неизв. автор); *Взятка — это форма зла в виде благодарности* (неизв. автор). С развитием системы т.н. государственного заказа (госзакупки),

когда госучреждение обязано объявлять открытый конкурс, чтобы выбрать исполнителя необходимых работ (поставка материалов, ремонт и прочее), русская лексика обогатилась неологизмом «откат». Ставшее общепонятным благодаря прессе (см. анонимный афоризм: *Раньше жизнь была — по благу, теперь — по откату*), слово это до сих пор не нашло отражения в современных толковых словарях. Электронный «Финансовый словарь Финам»²¹ предлагает следующее определение: Откат — сумма денег, неофициально уплачиваемая фирмой-исполнителем сотруднику фирмы-заказчика за размещение заказа. Таким образом, откат можно считать синонимом взятки в сфере бизнеса и экономики. *Эволюция взятки: мзда — взятка — откат — закон* (Г. Александров). *Ну, вот пример — если раньше я, положим, получал 20 тысяч долларов комиссии за молодого игрока, то теперь мне дадут 40. Двадцать я оставлю себе и еще двадцать буду вынужден отдать руководителю клуба, который возьмет моего игрока. — Это откат. Коррупция. Советский спорт, 2011.01.21.*

Материал современных афоризмов на тему взяточничества дает представление о следующих культурных установках, бытующих в русском национальном сознании.

1. Взятничество будет существовать вечно. *Коррупция бессмертна своим дьявольским дружелюбием.* (Леонид С. Сухоруков). *Чтобы уберечь от коррупции государственный сектор, пришлось упразднить частный; чтобы уберечь от коррупции учреждения, пришлось бы упразднить людей; Нет ничего ошибочнее, чем мысль, что казнями можно регулировать цены или отучить от взяточничества.*

2. Жить, не давая взяток, крайне затруднительно. *В современной России без отката может успешно работать только орудие. Не раздражайте людей своей неподкупностью!*

3. Взятничество наказуемо. *Тот, кто берёт в руку, может получить по рукам; Тех, кто берет от жизни всё, могут взять.*

4. Коррупция распространена:

– среди врачей: *Опытный врач никогда не называет сумму взятки. Он просто сообщает диагноз* (Игорь Карпов). *Халат врача без карманов — это халатное отношение к деньгам* (Ашот Наданян); *Табличка в кабинете врача: «ЦВЕТЫ И КОНФЕТЫ НЕ ПЬЮ»* (неизвестный автор).

– среди сотрудников правоохранительных органов: *Теперь в полицию берут только честных, остальные там уже работают* (Михаил Мамчич); *Бывает, даже прокурор, что хочешь, сделает за взятку* (Георгий Александров); *Дали взятку — и восторжествовала законность* (Александр Фюрстенберг); *Законодательство — взятка данная представителям закона* (Валентин До-

миль); — *Министерство правосудия? Да вот там, на улице Взятки; Таможня взятку не берёт — она на них бросается!*

– среди чиновников: *Чиновник — оператор коррупции; У чиновника все относительно: пока не отнесешь, ничего делать не будет* (Михаил Мамчич); *Для кого — всего лишь водительское удостоверение, а для инспектора — хлебная карточка* (Михаил Мамчич); *Чего у власти не отнять, так это искусства брать* (Леонид С. Сухоруков); *Если ликвидировать взятки, то власть в нашей стране прекратит свое существование* (Георгий Александров);

– вовлечены все: *Не верьте тому, что кто-то взятку не берёт, просто кто-то не умеет их давать* (Ольга Глушенкова); *Берут все. Берут не всех* (NN); *Страшный Суд взятку не берет.*

5. Распространенность и масштабы взяточничества увеличились: *Раньше давали на лапу, а теперь и четырёх не хватает.*

Широкое хождение получили шутивно-иронич. трансформации известных выражений: *Дай, Джим, на счастье в лапу мне!* (Виктор Губарев). *У всех замылены глаза, когда рука руку моет* (Евгений Ханкин). *Хоть и брал хорошо на лапу, но всё делал из рук вон плохо...* (Леонид С. Сухоруков). *Всем взял — умом, талантом, а кое с кого и деньгами.* (Эмиль Кроткий). *Рожденный брать, давать не может.* (NN). *Запретить взятки можно одним способом — дать на лапу запретителю* (Георгий Александров). *Дали на лапу — подставь другую* (Яцек Вейрох). *Не всё брал эрудицией, часть — деньгами.* (Гарри Симанович); *Какой же «русский» не любит «на лапу»!* (аноним.).

Продолжается дискуссия по поводу того, кто запустил процесс коррупции: взяткодатель или взятополучатель. Вопрос нашел отражение в афоризмах. *Спрос рождает предложения.* Например, *взяточники родили датчиков. А может наоборот?* (Леонид С. Сухоруков); *Рожденный брать, давать не может!* (С. Янковский); *Взятки появились ещё в языческие времена под названием «жертва»* (В. Домиль); *Объявление: Продаю и покупаю квартиры, даю и беру взятки* (Г. Александров). В апреле 2011 года в «Комсомольской правде» были опубликованы данные эксперимента ГИБДД, «на постах установили скрытые камеры. И выяснили, что из 100 случаев только в пяти взятку вымогает сам сотрудник. Во всех остальных случаях водители сами предлагали расплатиться на месте. В общем, поди теперь разбери, что было первым: яйцо или курица, взяточник или взятокодатель...».

Материал пословиц, поговорок и афоризмов позволяет сопоставить отношение общественного мнения к феномену взяточничества (взяткам, взяточникам) в разные эпохи. Во-первых, менялась «терминология».

До XX века были в ходу такие эвфемистические именованья взятки как *посул, принос (привоз), мзда, смазка (подмазка), барашек в бумажке* и многие другие. В современном русском языке широкое распространение получили дисфемизм «откат», а также несколько менее популярных ироничных выражений типа *знак внимания, статусная (административная) рента, форма зла в виде благодарности, легкий наркотик* и пр. Во-вторых, корпус вышедших из употребления именованья самих взяточников (такие выразительные примеры, как *куроед (куроцан), живоглот, гарпия* и проч.) в современном языке не пополнился новыми словами и выражениями. Зато в языке нашел отражение целый спектр профессий, представители которых «уличаются» во взяточничестве: остаются чиновники (раньше — дьяки, судьи, воеводы), появляются представители различных правоохранительных органов (полиция, прокуратура, таможня), врачи.

Несмотря на явную синонимичность, слово «коррупция» по объему своего значения превышает слово «взяточничество». С нашей точки зрения, коррупция — это негативное общественное явление, преступление в виде взаимонаправленного процесса дачи и получения взятки, характеризующее отношения между государственными служащими и гражданами; при массовом распространении подрывает устои государственности, свидетельствует о несбалансированности внутренней политики и, в целом, некомпетентности или преступности государственной власти.

Примечания

- ¹ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998; Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М., 1998.
- ² Новый словарь иностранных слов, by EdwART. 2009.
- ³ Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М., 1995.
- ⁴ Большой Энциклопедический словарь. 2000. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/164642>.
- ⁵ Юридический словарь. 2000 — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15689>.
- ⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- ⁷ Экономика. Толковый словарь / Дж. Блэк; под общ. ред. И. М. Осадчей. М., 2000.
- ⁸ Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. М., 2003.
- ⁹ Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулержкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2005.
- ¹⁰ Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978.
- ¹¹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5. М.; Л., 1956.
- ¹² Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
- ¹³ Шведова Н. Ю. Указ. соч.
- ¹⁴ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 2. М.; Л., 1951.
- ¹⁵ Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.

-
- ¹⁶ Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.
- ¹⁷ Бортник Г. В. Барашек в бумажке // Русская речь. 2004. № 2. С. 112.
- ¹⁸ Фразеологизм *Барашка в бумажке взять, отнести, принести* считается одним из первых зафиксированных эвфемизмов к слову «взятка», его толкование дается в «Словаре русского языка XVIII в.»: О взятке (первонач. в речи подьячих). А из службы тогда хоть и невольно было вытить, так были на ето лекари: отнесешь ему барашка в бумажкѣ, да судьѣ другова, так и отставят за болезнями. Жив. 115. Подьячии... со всѣх берут деньги и с правых и с виноватых. Деньги, кои им дают, обвертывают бумагою благопристойности ради... а чтоб не столь выговор тягостен показался ушам челобитчиковым, ежели подьячий потребует у него денег, так выдумали они сие слово: принеси мнѣ барашка в бумажкѣ, то есть деньги обверченныя бумагою. Всячина 444. (Словарь русского языка XVIII в. / Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. — URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>)
- ¹⁹ Бортник Г. В. Указ. соч.
- ²⁰ Там же. С. 108–112.
- ²¹ Финансовый словарь Финанс. — URL: <http://www.finam.ru/dictionary/wordf02043/default.asp>

Селиванова Наталья Якуповна
Санкт-Петербургский государственный университет

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ КОЛИЧЕСТВО ЧЕГО-ЛИБО,
ПОМЕЩАЮЩЕГОСЯ В ЛАДОНИ ИЛИ ПАЛЬЦАХ ЧЕЛОВЕКА,
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

«Языковая картина мира — это зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности»¹. «Языковая картина мира — это своего рода мировидение через призму языка»². Лексико-семантические группы национального языка могут рассматриваться как отдельные фрагменты языковой картины мира.

В современном русском языке выделяются существительные, обозначающие некодифицированные единицы измерения. Такие как *горсть*, *горстка*, *горсточка*, *пригоршня*, *щепоть*, *щепотка*, *понюшка*. Данные единицы можно объединить в лексико-семантическую группу (ЛСГ) существительных, обозначающих «количество чего-либо, помещающегося в ладони или пальцах человека». Единицы данной ЛСГ имеют сходную сочетаемость. Чаще всего они сочетаются с ЛСГ существительных, называющих специи, приправы (*щепотка корицы*, *щепоть трилистника (прямоостоячего)*), ЛСГ существительных-наименований жидкостей (*пригоршня воды*), ЛСГ существительных-названий сыпучих веществ (*горсточка пыли*, *горстка пепла*), ЛСГ существительных-наименований табачных изделий, наркотиков (*понюшка табаку*, *горсть героина*).

Однако из всех выявленных существительных только три единицы являются метафорами в русской языковой картине мира. Они представляют собой литоты: *горсть*, *горстка*, *горсточка*. *Пригоршня*, *щепоть*, *щепотка*, *понюшка* имеют ограниченное употребление и крайне редко используются в метафорических выражениях, ср. *щепотка слов*, *щепоть праха*. Чаще метафоры с этими существительными можно наблюдать при переводах, например, немецкая пословица в переводе на русский язык звучит как «*щепоть осторожности* стоит фунта опыта».

В данной статье подробно остановимся на анализе функционирования в русском языке однокоренных существительных *горсть*, *горстка* и *горсточка*, выступающих в метафорическом значении. Материалом для исследования послужили иллюстративные примеры употребления этих единиц по данным «Национального корпуса русского языка»³.

Следует отметить, что интересующие нас лексемы имеют ограничения в сочетаемости. В основном они встречаются в сочетаниях с наименованиями лиц (*горсть людей*, *горсточка солдат*), предметов, подверженных счету (*горсточка букв*, *горстка домиков*), реже — отвлеченных понятий (*горсть здравого смысла*, *горстка воспоминаний*). Например: «Турки не успели сообразить, не успели вскинуть винтовок, как *горсточка солдат* уже скрылась за каменными стенами мельницы» [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)]; «На хуторе — тишина. Утренние дела давно справлены: скотину на пастьбу проводили, отстряпались, отзавтракали и распозлились по дворам, огородам, левадам к тихим трудам. Холмистая долина с лугами, попасами, малой речкой. В укрыеве, на дне ее — *горстка домиков* вразброс» [Борис Екимов. На хуторе // «Новый Мир», 2002]; «Фэншуй, — сказал Джозеф Нидэм, — богатейший источник сведений об этнографии, истории культуры и философии великого китайского народа». Восьмьюдесятью годами раньше Айтель оценил значение фэншуй примерно так же, но добавил: «Эта система, может, и есть бездна премудрости, но едва ли она содержит хоть *горсть здравого смысла*» [Борис Руденко. Фэншуй: засада на простака // «Наука и жизнь», 2007].

Сочетания анализируемых лексем с отвлеченными существительными в метафорическом значении часто встречаются в поэзии. Ярким примером подобного употребления может служить стихотворение В. Соколовой «Возьму я горсточку любви»:

«Возьму я *горсточку любви*,
добавлю *горсточку печали*,
смешаю с каплей горьких снов,
и брошу все в ночной костер,
посыплю пеплом черновик,
что пригодится впредь едва ли:
прочешь мой стих ты не готов,
и для тебя все это вздор...

Возьму я *горсточку мечты*,
добавлю *горсточку тумана*,

смешаю с каплями дождя,
и загадаю на любовь...
Придешь ко мне уже не ты —
с тобою нет у нас романа —
не оглянулся, уходя,
и не сказал прощальных слов...

Возьму я *горсточку разлук*,
добавлю *горсточку тревоги*,
смешаю с лужицею слез,
и все до капли вылью вон...
Объятья нежеланных рук
мне скрасят тяготы дороги...
Мне только жаль — не ты принес
в мой хрупкий мир счастливый сон...»⁴.

Наименования лиц можно, в свою очередь, разделить на группы:

– по профессии (*горстка моряков, медиков*):

«Шесть суток *горстка моряков* обороняла последние метры свободной земли — Евпаторийский маяк» [Эд. Поляновский. Заявляю, я живой. Три дня десант держал Евпаторию. Их было 740. Осталось — 40 (2002) // «Известия», 2002.05.07]; «Сколько здесь людей? Сто, двести? Сколько живых? Что мы можем сделать — *горстка медиков*? Стоп! Работать» [Николай Амосов. Голоса времен (1999)];

– по национальности (*горсточка русских, шведов*):

«Тургенев успел при жизни насладиться тем, что не *горсточка русских*, а все грамотные люди в России читают его произведения и оценивают в нем замечательного писателя, да и иностранцы переводят и читают его сочинения» [А. Я. Панаева. Воспоминания (1889–1890)]; «Вскоре и остальная *горсточка шведов*, прикрывавших бегство Карла, была захвачена в плен» [П. И. Ковалевский. Петр Великий и его гений (1900–1910)];

– по политическим взглядам (*горсть революционеров, большевиков*):

«Проследим, как две враждующие стороны — государство российское во главе с лучшим своим за всю историю династии царем и кучка, *горсть революционеров* — повели свою схватку» [Б. Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт (1978)]; «Энергию эту питало, по-видимому, в значительной степени честолюбие: заняв станицу, из которой без единого выстрела, при одном только виде подходившего походным порядком полка бежала *горстка большевиков*, Глазенап неизменно доносил: в атаке развернутым строем выбили из станицы противника...» [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)].

Встречаются словосочетания без сопровождителя — наименования лица, в которых люди подразумеваются:

«Греховничая, кусочничая, хранит в себе божество интеллигенции *горсточка*, оставшаяся в живых... Упокой, Господи, души неусопших рабов твоих» [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)].

В прозе и поэзии также изредка наблюдается использование некодифицированных единиц измерения в роли обращения:

«Все мы бегали с тобой и разбежались. Далеко друг от друга разбежались. Стала я тебя звать, а ты не слышишь: я испугалась и заплакала. — *Горсточка ты моя маленькая!* Испугалась она, — сказала Настя и погладила Машу по кудрявой головке» [Н. С. Лесков. Житие одной бабы (1863)].

С точки зрения аксиологической оценки, большинство словосочетаний с анализируемыми существительными мелиоративны (*горсточка героев, горстка счастливых*). Например:

«Наше элитное стадо, наш прибор из отборных деталей, наша *горстка героев* — вперед!». [А. Ефимов. Элитные группы, их возникновение и эволюция // «Знание — сила», 1988]; «На *горстку советских храбрецов* двигалась большая группа фашистских тяжелых танков» [Семен Борзунов. На огненной дуге (2003) // «Наш современник», 2003.07.15]; «Там, среди кленовых листьев и поголового хоккея, *горстка смельчаков* бросила вызов капитализму» [Игорь Мартынов. Унитаз с зубами (1997) // «Столица», 1997.05.13]; «Сейчас у нас с тобой все готовое, вот это горы из папье-маше, луга, коровки, деревенька — *горстка симпатичных домиков*, снова горы, тоннель, затем путь закладывает петлю и спускается в город, тянется по подъездным развилкам к вокзалу, все как на настоящей дороге» [Александр Иличевский. Перс (2009)].

Пейоративные сочетания единичны (*горстка мерзавцев, злодеев*):

«Отравленные ядовитым красноречием, гневно перешептывались бойцы трех первых отрядов. Никто уже не помнил о нарушенном слове и Книге Терпения. Еще бы! *Горстка мерзавцев* собиралась отнять выстраданную награду» [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)]; «Да вся его партия — *горстка горлопанов* на содержании» [Лев Корнешов. Газета (2000)].

Существительные *горстка* и *горсточка* в метафорическом значении более частотны, чем *горсть*. Это можно объяснить тем, что уменьшительно-ласкательная форма способствует созданию большей экспрессивности. Усилительность достигается также за счет сочетания рассматриваемых существительных с прилагательными, характеризующими маленькое количество (*малая горсточка обывателей, крошечная горсточка войска* и др.). Например:

«Зачем пришла эта *крошечная горсточка войска* к Сенату, построилась в каре и, стоя сложа руки, забавляется оглушающими криками, требуя того,

о чем сама, наверное, не имеет никакого понятия?» [Ф. П. Толстой. Из «Записок» (1873)]; «Пятьсот человек против целой армии — *ничтожная горсточка!*» [А. Р. Беляев. Продавец воздуха (1929)]; «И вот, когда уж обывателей осталась *самая малая горсточка*, и городской голова с грустью подумывал о том, что в недолгом времени ему придется расточить самого себя, вдруг, по доносу стряпчего, раздался трубный звук» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы («Между делом») (1873–1884)].

Ср. использование существительного *горсточка* в одном контексте с другими языковыми единицами, обозначающими маленькое количество:

«И даже если таких будет всего лишь *несколько, горсточка, единицы или вовсе — один*, то и в этом случае всеобщая политическая амнистия полностью себя оправдает» [Б. Б. Вахтин. Этот спорный русский опыт (1978)]. Интересна также контекстуальная антонимия: «В экипаже нашего корабля всего тринадцать таких же, как и вы, людей, это *горсточка в сравнении со множеством жителей Ян-Ях*» [И. А. Ефремов. Час быка (1968–1969)].

На наш взгляд, в подобном метафорическом использовании проанализированных единиц отчасти проявляется присущее русскому народу стремление к крайностям, к преувеличению.

Рассмотренная ЛСГ существительных представляет собой значимый фрагмент русской языковой картины мира, отличающийся номинативной плотностью, входящие в нее единицы отражают телесный (соматический) код культуры.

Примечания

- ¹ Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994. С. 9.
- ² Яковлева Е. С. К описанию языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 47.
- ³ Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- ⁴ Изба-читальня: Литературно-художественный портал. — URL: <http://www.chitalnya.ru/work/211047/>

Сретенская Лариса Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет

АНАЛИЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Н. ТОЛСТОЙ «В ТУНИСЕ»)

Текст — это основная единица коммуникации, хранящая и передающая информацию об определенной исторической эпохе, это важный инструмент познания языка, культуры, менталитета народа. Необходимым условием адекватного восприятия текста является «понимание эксплицитно оформленной части сообщения и декодирование имплицитно содержащихся в тексте элементов значения»¹. Восприятие имплицитной текстовой информации определяется умением интерпретировать экстралингвистические факторы, что включает понимание образа мыслей другого народа, непривычных социальных ситуаций, реалий быта, национально-культурных традиций. Для этого учащиеся должны иметь определенные знания национально-культурологического характера, которые отражают языковые и речевые единицы, а также те разнообразные ассоциации, которые данная единица вызывает в определенной лингвокультурной общности.

Учитывая, что в художественном тексте значение средств всех уровней языковой системы подвергается речевым преобразованиям и актуализации, приобретает авторские коннотации, можно утверждать, что анализ лексической многослойности текста — это одна из важнейших задач в иностранной аудитории. Именно лексические единицы прежде всего отражают культурологические реалии, служат важным средством создания художественных образов.

Рассказы Наталии Толстой дают большие возможности для работы в иностранной аудитории. Они представляют интересный материал с точки зрения языка, стиля, тематики. Небольшие по объему, они своего рода «энциклопедия» советской и российской жизни второй половины 20 и начала 21 века, что всегда привлекает иностранных учащихся. Однако, как указывает Э. М. Береговская, «фабула в рассказах Наталии Толстой про-

стая, а сюжет, если придерживаться формулы Е. Г. Эткинда „сюжет есть фабула плюс стиль“ — сложен»². Одну из сложностей при чтении составляют лексические особенности рассказов, а именно культурологически маркированные единицы лексического яруса.

На примере последнего опубликованного рассказа Н. Толстой «В Тунисе» рассмотрим особенности функционирования лексических единиц, представляющих трудности и требующих лингвокультурологического комментария. Это нейтральная лексика, называющая определенные реалии (огромные доходные дома, кофта с люрексом, пиво в розлив, народные артисты, регулярно заливают мою квартиру, ресторан размером с зал ожидания Московского вокзала, всех пенсионеров...обещают сократить, купила больничный, агент Ватикана), экспрессивно-окрашенная лексика, куда мы относим слова в переносном значении («тебя за одну ночь *скрутило*», пойло), разговорную и просторечную (парни с бычьими шеями, молокосос, *налитые коньяком* великороссы, спекулянтки, тётка, девица, опять *облом*, обдуривать), грубые и бранные слова и словосочетания (за-раза недоделанная, холеный дурак, оборзел, двинь её тазом, тащишься как беременный таракан), жаргонизмы и молодежный сленг (развести лоха, гони доллар, тёлки); устаревшие слова (возжелать, великороссы), терминологическую лексику (социально *маркированная* группа туристов); идиомы и фразеологизмы (несолоно хлебавши, крепки задним умом, губа не дура), мифологические имена (Баба-яга, чудище, кикимора), прецедентные словосочетания («И я вспоминаю о той поездке, как о *неутоленной любви*» (С. 7–12)³).

Что даст простой перевод, например, словосочетания «доходный дом»? Объясняя это понятие иностранцам, мы должны вспомнить историю появления таких домов, кто жил в них, превращение их в огромные коммуналки, которые в Петербурге существуют и по сей день, разнородный состав населяющих их людей (в социальном, национальном и культурном плане), их быт, взаимоотношения. Только в таком случае учащиеся могут понять, заключенную в этом словосочетании идею. Или другой пример. «Оля купила *больничный* на две недели, и мы отправились в турфирму» (С. 7). Это уже типичная сегодняшняя ситуация, когда деньги решают все, коррупция процветает, нравственные границы размываются.

Н. Толстая стремится извлечь из слова все его оттенки. Соединяясь вместе, разностилевые элементы образуют сложное единое целое, смысл которого актуализируется в микроконтексте и служит реализации авторских задач. Используя этот прием Н. Толстая создает портреты героев,

или, как отмечает Э. М. Береговская «микропортрет». Вот микропортрет водителей джипов, на которых катают туристов по бараханам. «Водители, загорелые, высокие красавцы в разноцветных тюрбанах, *принцы Востока*, были из какого-то иного мира. Эти *знали себе цену*. ... Лица *восточных принцев* были непроницаемы: *привыкли*» (С. 10). Соединение сказочно-возвышенного «*принцы Востока*» с разговорным фразеологизмом «*знали себе цену*» и превращение в нейтральных «*восточных принцев*» создает очень яркую характеристику: на наших глазах сказочные герои превращаются в довольно циничных молодых людей, смотрящих свысока на обслуживаемых ими туристов.

Буквально несколькими фразами рисуется портрет целой эпохи, места действия, дается оценка героям, фактам, явлениям, создается комический эффект, который является всегда значимым компонентом в повествовании Н. Толстой. Ее рассказы пронизаны юмором, иронией, сарказмом. Так, в данном микротексте «Носильщик не уходил, мялся у двери. — Все, *товарищ!* Аллах с тобой. Иди *обдуривать* других» (С. 8) соединение обращения-клише с трансформированным с учетом местного колорита фразеологизмом и просторечным глаголом создает юмористический эффект. Такой способ столкновения в одном микротексте несочетаемых элементов, что придает тексту комическую окраску, Э. М. Береговская называет амальгамированием. Это один из главных стилистических приемов Н. Толстой, т. е. лексика, содержащая культурологический компонент, выполняет и стилеобразующую функцию.

Вот еще пример отношения Н. Толстой к слову. «Гид сказал, что это [троглодиты] древнейшие племена, населяющие Тунис. ... Первобытный народ. ... И никакая цивилизация их не коснулась. ... Мне из автобуса был виден двор с земляным полом. Посреди двора сидел троглодит в кресле-качалке и разговаривал по мобильному телефону. Гид, по-видимому, предупреждал, чтоб готовились. И вмиг двор троглодитов преобразился: хозяин уволок кресло-качалку с глаз долой, откуда ни возьмись появилась старуха с козой, уселась на какую-то горную породу и принялась за дойку. Из-под земли выскочила молодая с жерновом и стала картинно перетирать зерна. Девочка в углу плела корзину из дикорастущих трав, а маленький мальчик высекал огонь кремнем» (С. 10). Перед нами яркая и образная картинка. Столкновение псевдонаучного, экзотического на потребу туристов объяснения местного гида и факты, приведенные героиней рассказа, показывают ироническое отношение автора не только к данной ситуации, но и ко всей индустрии туризма. Это создается,

прежде всего, лексическими средствами: соединение в одном контексте книжной лексики и просторечной (преобразился — уволок с глаз долой), разговорной и научной (уселась на какую-то горную породу), использование фольклорных клише (откуда ни возьмись, из-под земли выскочила), соединение несопоставимых понятий (цивилизация их не коснулась — разговаривал по мобильному телефону; молодая с жерновами — стала картинно перетирать зерна). Таким образом, анализируемая лексика используется автором и в композиционном построении текста, служит созданию противопоставления, как в приведенном микротексте, либо параллелизма.

Несомненно, такого типа лексические единицы, используемые в оценочных контекстах, создают и образ самого автора, повествователя или рассказчика, места и времени действия. Перед читателем в этом небольшом рассказе предстает вся жизнь героини, выполняющей и роль рассказчика. Буквально одной фразой обрисована история семьи героини: «Олечка, у тебя бабушка по какой статье села? — Антисоветская агитация и пропаганда. А твоей что шили? — *Мою бабушку никто не переплюнул: агент Ватикана*» (С. 9). Перед нами трагическая и страшная страница истории нашей страны. И то, что интеллигентные женщины используют тюремный жаргон («шили») и юридические термины периода репрессий («антисоветская агитация и пропаганда, агент Ватикана»), говорит нам, что это было частью их жизни. Н. Толстая воссоздает историю нашей страны с послевоенного времени до наших дней: послевоенные очереди за яйцами и мукой, дворы огромных доходных домов, день смерти Сталина, спекулянтки с польскими кофточками, первые счастливые поехали за границу, в Болгарию, торговки пива в розлив (С. 7–12). Естественно, все это требует объяснения в иностранной аудитории, иначе текст будет понят только на уровне фавулы, да и то неадекватно.

И еще один момент, на который, с нашей точки зрения, следует обратить внимание. Рассказ «В Тунисе» оказался последним рассказом, опубликованным при жизни Наталии Толстой. Он заканчивается прецедентным словосочетанием «И я вспоминаю о той поездке, как о *неутоленной любви*», что можно, на наш взгляд, трактовать не только в контексте данного рассказа, но и всего творчества Н. Толстой. Это не только несоответствие нашей мечты и реализации ее в действительности, ожидание и разочарование, но и вообще наши отношения с жизнью.

Таким образом, можно вделать вывод о том, анализ лингвокультурного компонента художественного текста имеет важное значение. Он по-

зволяет иностранным учащимся не только понять его содержание, идеи, смысл, но и участвовать в своего рода межкультурной коммуникации. Языковая сложность текста приводит к сложности понимания национально-культурных традиций, реалий быта, образа мыслей другого народа, шуток и иносказаний, что представляет собой одну из актуальнейших проблем усвоения изучаемого языка.

Примечания

- ¹ *Арошидзе М.* Лингвокультурологический комментарий художественного текста при изучении русского языка как иностранного // *Русское слово в мировой культуре*. Т. 2. СПб., 2003. С. 308.
- ² *Береговская Э. М.* Ключевые позиции в стиле Наталии Толстой // *Филологические науки*. 2011. № 1. С. 167.
- ³ Здесь и далее в скобках указываются страницы по изданию: *Толстая Н. Н.* В Тунисе // *Звезда*. 2010. №1. С. 7–12

Сунь Найсуй
Народный университет Китая — КНР

ЦВЕТОВЫЕ ЭПИТЕТЫ В «ТЕМНЫХ АЛЛЕЯХ» И. А. БУНИНА

А. И. Куприн писал: «Бунин — тонкий стилист, у него громадный багаж хороших здоровых, метких, настояще-русских слов; он владеет тайной изображать как никто малейшее настроение и оттенки природы, звуки, запахи, цвета, лица; архитектура его фразы необычайно разнообразна и оригинальна; богатство определений и эпитетов умеряется у него строгим выбором, подчиненным вкусу и логической необходимости; рассказ его строен, жив, насыщен»¹.

Предметом анализа в данной работе является одна из ярких сторон художественной манеры И. А. Бунина — использование цветочных эпитетов.

Как известно, эпитет — это определение, которое благодаря своей структуре и особой функции в тексте несет в себе особые выразительные свойства, подчеркивая в объекте изображения что-то такое, что присуще лишь ему одному. Другими словами, эпитет индивидуализирует явление, а также выделяет в нем те признаки и свойства, которые кажутся писателю важными на основе его представления об этом явлении, отношения к нему. По словам К. А. Роговой, «отбор эпитетов в известной мере может представлять своеобразие художественной манеры писателя, поскольку эпитет называет существенный для автора признак и является проявлением стилистических особенностей его творчества. Именно эпитет соединяет в себе изобразительное и выразительное начала, которые являются главными составляющими художественного образа»².

Цветочный двухчленный эпитет Бунина является характерным изобразительным средством. Он представляет собой сложное прилагательное, обозначающее определенный оттенок цвета, общее значение которого складывается из суммы двух его элементов.

В бунинском идиостиле имеются свои особенности, в частности, это частое использование в информативных контекстах неопределенных эпитетов. Для Бунина качество неопределенности становится одной из ведущих черт изображения. Например:

Все окна в столовой и гостиной оказались закрыты — я увидел это при том **зелено-голубом** озарении... («Натали»); **Сине-лиловый** глазок над дверью тихо глядел в темноту («Руся»); Она покорно и быстро переступила из всего сброшенного на пол белья, осталась вся голая, **серо-сиреневая**... («Визитные карточки»); Длинные волосы, крупными сальными кудрями закинутые назад, труба в зубах, бархатная гранатовая куртка, на башмаках **грязно-серые** гетры... («Муза»); И войдя, стала, как дома, снимать перед моим **серо-серебристым**, местами почерневшим зеркалом шляпу... («Муза»); Там густо валили **черно-багровым** руном клубы дыма... («Поздний час»); Потом, в некий последний срок, останавливается у подъезда огромная, с траурным балдахинном, колесница, дерево которой **черно-смолисто**, как чумной гроб... («Поздний час»); День был жаркий, парило, прибрежные травы, испещренные желтыми цветочками куриной слепоты, были душно нагреты влажным теплом, и над ними низко вились несметные **бледно-зеленые** мотыльки («Руся»); Он очнулся, открыл глаза — все так же неуклонно, загадочно, могильно смотрел на него из черной темноты **сине-лиловый** глазок над дверью... («Руся»); В темноте под елями рассыпаны неподвижные **зелено-желтые** огоньки светляков («Зойка и Валерия»); Надо всем весело угрюмое небо, **сизо-белое** покатое поле за речкой казалось очень близким («Таня»); И они долго сидели так, рука с рукой, соединенные сумраком, близость мест, делая вид, что смотрят экран, к которому дымной **синева-то-меловой** полосой шел над их головами свет из кабинки на задней стен («В Париже»); Она вынула из муфты руку, **голубовато-бледную**, изысканно-худую, с длинными, острыми ногтями... («Генрих»); Дверь оттуда отворилась, и, смеясь, вошла Генрих, очень высокая, в сером платье, с греческой прической **рыже-лимонных** волос... («Генрих»); В разных местах предвечернего сада вскрикивали на лету иволги, против нас высоко висел, прижавшись к стволу сосны, одиноко росшей в аллее среди берез, **красновато-серый** дятел... («Натали»); Правее, над широчайшей дубовой кроватью, картина во всю стену: почерневший лаковый фон, на нем еле видные клубы **смугло-дымчатых** облаков и **зеленовато-голубых** поэтических деревьев... («Натали»); В разных местах предвечернего сада вскрикивали на лету иволги, против нас высоко висел, прижавшись к стволу сосны, одиноко росшей в аллее среди берез, **красновато-серый** дятел... («Натали»); Молодой месяц, тоже чистый, без паутини, играл все выше и ярче в грудах все больше скоплавшихся облаков, дымчато-белых, величаво загромождавших небо, и когда выходил из-за них своей белой половиной, похожей на человеческое лицо в профиль, яркое и **мертвенно-бледное**... («Натали»); Комната и сад уже потонули в темноте от туч, в саду, за открытыми окнами, все шумело, трепетало, и меня все чаще и ярче озаряло быстрым и в ту же секунду исчезающим **зелено-голубым** пламенем («Натали»); Облокотясь на поручни, он пристально смотрел на горбами летящую глубоко внизу, вдоль высокой стены борта, **густо-синюю** волну и от времени до времени поплеывал туда («Пароход Саратов»); На ней было в тот день **черно-золото**

тое покрывало... («В ночном море»); *Впереди невысоко висят в небе два крупных огня, мутно-синий и сумрачно-красный* («Старый порт»); *Над людской избой буднично и спокойно тянется к бледно-голубому небу серый дымок...* («К роду отцов своих»); *Бычий лоб ее ровен, спокоен, мутно-голубые глаза ползакрыты...* («Телячья головка»); *И вся она гола, серо-телесна и упруга, как резина...* («Телячья головка»); *Борт передо мной летел в лиловоюющее облачное небо, а небо куда-то прочь, в бездну, потом вдруг открывалась и отвесно неслась прямо на меня равнина моря — зелено-седого, изрытого ухабами, горами, с которых дымом, метелью гнало пыль пены* («История с чемоданом»); *В одном все кажется золотисто-желтым, в другом переливается прозрачно-зеленый свет...* («Остров сирен»).

В приведенных примерах первые и вторые члены эпитета размывают определенность воспринимаемого и тем самым делают повествование объектом непосредственного наблюдения, создается впечатление, что именно сейчас здесь присутствую и наблюдаю «Я» (читатель).

Кроме того, в сложных цветовых эпитетах оттенки часто определены неким сходством с предметом, металлом, минералом и т. д. Это дает автору возможность сделать деталь более выпуклой, ёмкой и более субъективной в восприятии, что является еще одной особенностью бунинского стиля:

На кирпично-красных стенах монастыря болтали в тишине галки... («Чистый понедельник»); *Она посмотрела на него тоже странно искрящимися глазами с угольно-крупными ресницами...* («В Париже»); *Перед закатом становилось ясно, на моих бревенчатых стенах дрожала, падая в окна сквозь листву, хрустально-золотая сетка низкого солнца* («Муза»); *Свежий, пахучий дождь шумел все быстрее и гуще за открытыми на балкон дверями, в потемневшем доме все спали после обеда — и как страшно испугал его и ее какой-то черный с металлически-зеленым отливом...* («Руся»); *Смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловецкие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как черный соболий мех, брови, черные, как бархатный уголь, глаза, пленительный бархатисто-пунцовыми губами рот оттенен был темным пушком...* («Чистый понедельник»); *А в тот последний их день, в то последнее их сидение рядом в гостиной на диване, над томом старой «Нивы», она тоже держала в руках его картуз, прижимала его к груди, как тогда, в лодке, и говорила, блестя ему в глаза радостными черно-зеркальными глазами...* («Руся»); *Через минуту молочно-седой королевой, покачиваясь, вошла тетя в палевом шелковом платье с кремовыми кружевами...* («Антигона»); *...и там они долго ждали вызова в соседний кабинет, на допрос и осмотр к молодому ассистенту в сахарно-белом халате, и только уже после этого попадали к самому Данилевскому, в его большой кабинет с высоким одром у задней стены, на который он заставлял некоторых из них влезать и ложиться в самой жалкой и неловкой от страха*

позы... («Зойка и Валерия»); *Еще когда он ехал по селу, казалось, что наступает ночь, и в избах уже видны были **дымно-красные** огни...* («Таня»); *Пошли **белесо-свинцовые** тучи, совсем обнажившийся сад шумел беспокойно, торопливо...* («Таня»); *Представь себе только: острый, сырой воздух, эти дикие каменные хижинки, крутые крыши, сбитые в кучу возле горбатого каменного моста, под ним быстрый шум **молочно-зеленой** речки...* («Генрих»); *Маленький солдат с винтовкой, в высоком кепи, усеченным конусом, и в короткой **мышино-голубой** шинели шел...* («Генрих»); *Облезло-розовый итальянский вокзал...* («Генрих»); *Воображение всегда было живо у меня, я мысленно видел, как Соня и Натали станут, держась на перила лесенки в купальне, неловка сходить по ее ступенькам, погруженным в воду, мокрым, холодным и скользким от противного зеленого бархата слизи, наросшей на них, как Соня, откинув назад свою густоволосую голову, решительно упадет вдруг на воду поднятыми грудями — и вся странно видная в воде **голубовато-меловым** телом...* («Натали»); *Она, с готовностью и к испугу и к улыбке вскинула на меня **маслянисто-голубые** глаза...* («Мечь»); *И без конца тянулась за ним сонно кипящая, **бледно-млечная** дорога...* («В ночном море»); *На Кавказе, в Швейцарии, то есть опять-таки где-то там, где синие ущелья и **пенно-зеленные** потоки?* («Алексей Алексеич»); *Наклонив свою **свинцово-густоволосую** голову и не глядя на Алексея Алексеича, начал Потехин сухо спрашивать, не спеша записывать, потом сказал еще суше и неприязненной...* («Алексей Алексеич»); *Сквозь утренний морозный туман и утренние дымы города — **розово-янтарное** солнце...* («Грибок»); *Приезжий только что из Москвы, отлично выспался в теплом купе, за которым всю ночь густо шли **черно-зеленные**, в белом сахаре, еловые леса...* («Грибок»).

Кровавая стена, угольная ресница, золотая сетка, смуглое лицо, пунцовая губа и т. д. являются простыми словосочетаниями, но Бунин с помощью цветowych эпитетов сумел передать индивидуальные чувственные оттенки, неповторимые признаки, что даёт возможность читателю оценивать изображаемые объекты с новой, необычной точки зрения.

Именно двойственность, неопределенность бунинских цветowych эпитетов позволяют нам заметить те особенные качества в привычной картине внешнего мира, на которые мы скорее всего не обратили бы внимания в обыденной жизни. Эта особенность придает бунинским рассказам большую глубину, красочность, живость и выразительность.

Примечания

¹ Куприн А. И. Чтение мыслей // Журнал журналов. 1916. № 19. С. 20.

² Вознесенская И. М., Гулякова И. Г., Дымарский М. Я. и др. Художественный текст: Структура. Язык. Стилль / Под ред. К. А. Роговой. СПб., 1993. С. 54.

Флейшер Екатерина Андреевна
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КАК ОСНОВА ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Утверждение о взаимосвязи прецедентных феноменов кажется очевидным, оно не ново, эту особенность отмечали многие исследователи. Нам же хотелось бы обратить внимание на обязательность этой связи для всех феноменов и, самое главное, на тот факт, что без нее прецедентные феномены не были бы прецедентными, именно она, на наш взгляд, обеспечивает «прецедентность» данных единиц. Более того, ее наличие/отсутствие может являться показателем для отнесения единиц к определенному лингвистическому классу: например, как нам кажется, данный критерий становится определяющим при разделении прецедентных имен и апеллятивов, фразеологии и прецедентных высказываний. Так, слово «меценат» сегодня в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой имеет следующее определение: «Богатый покровитель наук и искусств; вообще тот, кто покровительствует какому-н. делу, начинанию»¹. Едва ли в сознании большинства носителей языка актуальна связь этого слова с именем древнеримского государственного деятеля Гая Цильния Мецената. С другой стороны, имя *Шерлок Холмс*, не зафиксировано в толковом словаре, но, как показывают исследования, имеет устойчивое значение «гениальный детектив, со своеобразным методом мышления», и тем не менее здесь мы имеем дело не с именем нарицательным, а с прецедентным именем, т. к. связь с романом Конана Дойля еще не утрачена. Интересен тот факт, что А. В. Суперанская на этапе исследований имен собственных, когда прецедентные имена еще не выделяли в отдельную категорию, говорила о полной и неполной апеллятивационимов². Таким образом, автор различала имена, за которыми стоит связь с единицами, остающимися вне рамок текста, и имена, структура значений которых полностью трансформировалась в лексическую. На наш взгляд, формулировка «неполная апеллятивация» не совсем точно определяет природу рассматриваемых единиц, прецедентные имена не являются «промежуточным звеном» между

двумя классами, а представляют самостоятельный класс в силу того, что связаны с другими феноменами, в отличие от имен собственных и нарицательных, которые такой жесткой связи не имеют.

Как известно, за каждым прецедентным именем стоит определенный инвариант восприятия, который включает в себя 3 способа актуализации дифференциальных признаков имени: 1) внешность; 2) черты характера; 3) прецедентная ситуация.

Рассмотрим данную схему на примере имени Тарас Бульба: из 18 примеров интенционального употребления данного имени только 2 примера — апелляция к внешности героя:

«Андрей Малахов отрастил усы. Ольга: Ну прямо Тарас Бульба какой-то...» [КП: Андрей Малахов отрастил усы. 18.11.2008] и «Нам остается лишь фантазировать на тему Якубович на Украине. Представляете: усатый гарный хлопец, с чубом от Тараса Бульбы Леонид Аркадьевич, подвязанный кушаком, размольвает на украинской мове о призах и гривнах [КП: Якубович поселится на хуторе близ «Диканьки». 25.05. 200].

Среди других примеров один — это апелляция к чертам характера:

«Дальнейший текст Касьяна в мой адрес цитировать не рискну. В гневе он страшен, как Тарас Бульба... [КП: Лясь по спині, лясь по сраці* - ось так лічати в Кобеляці! 18.02.2004].

Остальные 15 примеров — актуализация прецедентной ситуации, источником которой, в свою очередь, является прецедентный текст. Более того, в трех примерах актуализация текста происходит посредством не только имени, но и прецедентного высказывания:

«Шон Коннери. Легендарный актер признался, что хотел бы сняться в следующем фильме про Джеймса Бонда. Но только в роли злодея, которому удастся победить агента 007. Это что ж получается: я тебя породил, я тебя и убью?! С таким настроением уж лучше Тараса Бульбу сыграть» [КП: Люди, которые нас удивили. 01.05.2008].

Подобную ситуацию мы обнаруживаем и при исследовании других прецедентных имен. Отметим, что во всех рассмотренных случаях можно говорить об актуализации с помощью имени прецедентной ситуации и, следовательно, прецедентного текста, в то время как актуализация таких дифференциальных признаков, как характер и внешность для большинства имен не обязательна. Так, например, во всех контекстах интенционального употребления имя дед Мазай используется исключительно для связи с прецедентной ситуацией, как в следующем случае:

«Поехал однажды дед Мазай зайцев спасать. А закончилось все тем, что ему контролеры в электричке весло сломали и обозвали старым козлом» [www.anekdot.ru].

С точки зрения взаимосвязи феноменов, интересен, на наш взгляд, пример с именем *Анна Каренина*, которое по итогам исследования является одним из наиболее узнаваемых и частотных. Тем не менее, среди примеров нами был встречен следующий:

«„Женька моя влюбилась. Предмет страсти сидит впереди нее. Она все уроки гипнотизирует его затылок. Говорит, уши у него красивые, изгиб особенный. Каково?“ — „Тонкая штучка, твоя Женька, — говорю. — Анна Каренина ненавидела своего мужа именно за его уши. Раз за них можно ненавидеть, значит, можно и любить“. — „Сравнила“, — процедила Галка» [Известия: Тонкая штучка. 15.01.08].

Ситуация, актуализированная посредством имени, видимо, не может быть отнесена к числу широко известных прецедентных ситуаций, более того, представляется, что если бы не прецедентность имени, апелляция к ней была бы невозможна.

Также следует особо подчеркнуть контексты употребления имени Герасим, которое практически не используется без второго имени — Муму, что хорошо иллюстрирует следующий анекдот:

«При слове Герасим первое, что всплывает — Муму» [www.anekdot.ru].

И, наконец, доказательством того, что наличие связей между феноменами в структуре когнитивной базы обязательно, является пример, в котором автор, неуверенный в кругозоре читателей, данную связь эксплицирует:

«И это — ужасно. Мы живем в стране, где в почете чатлане и пацаки с планеты Плюк, всегда знающие, кто, перед кем и когда должен присесть (см. фильм Георгия Данелии „Кин-дза-дза!“), и ненавидящие всех тех, кто отвергает холуйские приседания» [Известия: Под знаком планеты Плюк].

Вероятно, замечание об облигаторности связи с вербализуемыми феноменами является справедливым и в отношении высказываний. При употреблении прецедентных высказываний в сознании носителей языка должны актуализироваться связи с другими прецедентными феноменами. Интересен следующий пример:

«„В общем, нам, наверное, не стоит заходить далеко“, — сказала я. „Не бойся, Маша, я Дубровский!“ — засмеялся он. Оказалось, что Александр он там, в Британии, а здесь был Санькой, жил в Москве... Скучает теперь по России

и жениться хочет только на русской девушке, потому что наши, несомненно, самые лучшие!» [КП: «Охота за мужем» 23.02.2005].

Безусловно, в данном случае мы имеем дело с прецедентной фразой, которая вместе с именем отсылает к произведению А. С. Пушкина. Однако, необходимо особо подчеркнуть тот факт, что в тексте романа «Дубровский» этой фразы нет, тем не менее во вторичных дискурсах мы встречаем различные ее модификации, такие как «спокойно, Маша, я Дубровский» или «не бойся, Маша, я Дубровский». Таким образом, прецедентность высказывания возможна исключительно благодаря наличию в когнитивной базы членов лингвокультурного сообщества взаимосвязей других прецедентных феноменов: имени, ситуации и текста.

В случае, когда такой связи с другими феноменами за высказыванием нет, даже при условии его известности каждому «среднему» носителю языка, прецедентным оно не является. Очевидно, именно эту особенность прецедентных высказываний можно предложить как «разделительную» черту между ними и фразеологизмами, которые в рамках некоторых исследований объединяются в одну категорию.

Таким образом, представляется справедливым, рассматривать взаимосвязь прецедентных феноменов не как одну из особенностей, но как основу их прецедентной природы.

Примечания

- ¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2004. С. 354.
- ² Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 117.

Обучение
русскому языку как иностранному:
теория и практика

Любимова Нина Александровна, Бузальская Елена Валериановна
Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ ПОСОБИЯ ПО ОБУЧЕНИЮ ПИСЬМУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (УРОВЕНЬ А2–В1)

Разработанная концепция учебного пособия по письму на начальном этапе обучения создана с учетом традиционных для пособий подобного рода методологических принципов, однако дополнена некоторыми специфическими характеристиками.

1. Пособие может использоваться студентами в качестве дополнительного аспектного сопровождения к любому из существующих учебных комплексов данного этапа обучения, поскольку овладение письменной речью на данном этапе владения иностранным языком синхронно овладению устной речью.

2. В описание жанрового стереотипа включен учет специфики материального носителя информации. Вступление постиндустриального общества в информационную фазу своего развития поставило вопрос о формировании новой социальной ситуации, в которой, согласно идеям японских, американских, французских социологов конца XX века (таких, как И. Масуда, Д. Белл, А. Турэн, У. Дж. Мартин, Д. Лайон и др.), основной социальной ценностью становится информация. Большую роль в ситуации обмена информацией играют средства ее передачи, поэтому в настоящее время письмо — вид речевой деятельности, опирающийся не только на графические, лексические, грамматические навыки, сформированные в рамках соответствующих аспектов обучения иностранному языку, но и на жанровые стереотипы, возникшие в процессе общения индивидов на их родном языке, которые во многом оказываются детерминированы природой материального распространителя информации — определенного технического устройства. Например, жанр *sms*-сообщения «узнаваем» только при указании на сам «девайс» — мобильный телефон. От указания на носитель зависит восприятие многих других жанров естественной письменной речи, таких, как комментарий в блоге, электронное письмо и т. п. В связи с этим в пособие включены схемы, имитирующие соответствующее оформление создаваемого текста.

3. Основу концепции учебного пособия по обучению письму на уровне владения иностранным языком от уровня А2 до В1 составляет программа, связанная с работой по **постепенному усложнению взаимодействия в письменной работе текстовых категорий** (когезии, когерентности, информативности, ситуативности, воспринимаемости и интертекстуальности).

4. **В пособии нет заданий, направленных на отработку лексических и грамматических навыков.** Развитие разного рода автоматизмов — лишь сопутствующая задача обучения письменному общению на иностранном языке, поскольку лексические и грамматические навыки формируются в рамках соответствующих аспектов речевой деятельности.

5. **В центре внимания находятся «малоформатные» жанры, обслуживающие бытовое письменное общение носителей языка.** Соответственно основной единицей пособия вместо привычных упражнений, направленных на линейное, «грамматикоцентричное» обучение письму (таких, как списывание, заполнение пропусков в словах, конструирование словосочетаний и предложений по образцу, орфографические, словарные диктанты и др.) становятся задания по созданию текстов, принадлежащих к учебным микрожанрам и жанрам естественной письменной речи — таким, как:

1) *смс-сообщение, записка, дневниковые записи (имитация блога), составление плана дня, анкеты, официальный и неофициальный варианты электронных писем, путевые заметки, цель которых — ввести учащегося в пространство естественного, ежедневного, письменного общения;*

2) а также некоторых учебных микрожанров, не имеющих выхода в непосредственную коммуникацию, целью введения которых является развитие умений создания текстов, принадлежащих к функционально-семантическим типам описания, повествования и рассуждения.

Так, например, микрожанр, названный «*стоп-кадр*» предполагает развитие умений создания письменных работ в русле рефлексивного рассуждения через направляемое формулировкой задания «сканирование» своего состояния или поведения окружающих автора людей. Например: *Stop-кадр. Напишите, где Вы сейчас и что видите.* Или более сложный пример задания: *Stop-кадр. Напишите, о чем Вы сейчас мечтаете. По возможности используйте следующие конструкции: у меня нет +N2, я хочу +N4/ я хочу + инфинитив + потому что...*¹

6. **Система заданий пособия построена с учетом постепенного введения в процесс обучения все более сложных учебных микрожанров и жанров естественной письменной речи,** что создает определенную последовательность в совершенствовании необходимых умений.

Так, развитие умений продуцирования письменной работы эпистолярного жанра (неофициальное и официальное электронное письмо) является продолжением работы следующих цепочек учебных жанров:

1) *смс-сообщение — записка соседу — неофициальное письмо — неофициальное электронное письмо;*

2) *открытка — официальное письмо (поздравления, благодарности и пр.) — официальное электронное письмо, в частности, такой его вариант, как «письмо преподавателю», овладение правилами написания которого представляется коммуникативно важным при обучении в Университете.*

7. По мере усложнения создаваемых учащимся текстов в пособие включаются задания, направленные на формирование умений продуцирования текстов разных функционально-семантических стилей.

Так, развитие умений продуцирования письменного текста-повествования осуществляется по следующей схеме: *план дня — воспоминания (о прошедшем дне, о конкретном дне, о событии) — микроистория — каталоговое повествование (перечисление известных фактов, например, сведений о памятнике архитектуры) — логическое повествование (построение текста с ориентацией на хронологию событий и на логику развития сюжета) — лично-ориентированное повествование (исходя из эмоциональной значимости).*

Каталоговое повествование представляет собой текст, насыщенный объективной информацией культурологического, исторического, научного плана, обрамленной введением и заключением. Заданиями на совершенствование соответствующих умений могут быть, например, такие:

Посмотрите на фотографию «Санкт-Петербург. Университетская набережная». Напишите микрорассказ, отвечая на следующие вопросы: Когда Вы здесь были, в каком году? Зачем Вы сюда пришли? С кем? Каким это место было тогда? Что Вы здесь делали? Что Вы знаете об истории этого места? Кто Вам это рассказал?

Умения создавать повествование, организованное логически, т. е. имеющее сюжет, вектор времени формируется при выполнении следующих заданий:

Ответьте на вопросы анкеты так, чтобы получился небольшой рассказ. Зачем людям нужна почта? Какой была почта в XIX веке? В XX веке? Какая почта сейчас? Часто люди пишут друг другу письма? Расскажите одну из романтических или просто необычных историй, которая связана с письмами. Вы пишете письма? Если да, то кому и зачем? Вы получали посылку на почте? А сами отправляли кому-нибудь посылку или бандероль? Нужна ли Вам почта?

Личностно-ориентированная письменная работа ориентирована на передачу эмоционального состояния, на мозаичность, фантазию, акцентирование на той информации, которая представляет интерес для самого автора письменной работы. Например:

Посмотрите на фотографию «Зима. Путешествие на собаках». Представьте, что один из геологов, который едет на собаках — Вы. Напишите микрорассказ, отвечая на следующие вопросы: Что Вы чувствуете, когда видите эту фотографию? Когда Вы здесь были, сколько Вам было лет? Что вам запомнилось из того времени? Почему? Что Вы узнали о людях, которые там живут? Хотите поехать туда еще раз?»²

Создание текстов-описаний развивается по следующей траектории жанрового усложнения: *план (карта) — открытка с описанием — описание рисунка — краткое описание репродукции картины*, также существующее в трех вариантах — как каталоговое (слева на картине — справа — в центре — верхний край; в какое время картина написана, кем, какие тона преобладают и пр.), логическое (история людей или объектов, изображенных на картине, указание на их внутренне взаимодействие), личностно-ориентированное (описание, в основу которого положено эмоциональное впечатление, со-чувствование, доля фантазии).

Развитие умений построения рассуждения на русском языке реализуется при помощи следующей цепочки учебных жанров: *стоп-кадр («сканирование» своего состояния или своего окружения) — анкета — дневниковые записи — путевые заметки*. Модель последнего жанра также включает в себя каталоговый (дата, где были, результат), хронологический (каждый день представлен в виде последовательности событий) и личностно-ориентированный варианты.

Необходимость введения указанных учебных микрожанров обусловлена подготовкой к работе в дальнейшем с национально-специфическими вариантами организации структуры более сложных текстов принадлежащих к различным жанрам.

Примечания

- ¹ Бузальская Е. В., Любимова Н. А. Мои первые строки по-русски: пособие по развитию умений и навыков письменной речи: В 2 ч. Ч. 1. Введение в письменную речь. СПб., 2013.
- ² Бузальская Е. В., Любимова Н. А. Мои первые строки по-русски: пособие по развитию навыков и умений письменной речи: В 2 ч. Ч. 2. Описание, повествование, рассуждение. СПб., 2013.

Мирошникова Марина Григорьевна
Санкт-Петербургский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В ГРУППАХ АМЕРИКАНСКИХ СТАЖЕРОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ РУССКИМИ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ

Практика преподавания русского языка как иностранного в американской аудитории показывает, что за последние годы резко увеличилось количество студентов — американцев, являющихся русскими по происхождению. И если навыки устной речи, аудирования чаще всего не вызывают трудностей у данной группы студентов, то всё, что касается уровня владения письменной речью, требует особого внимания. Сюда можно отнести не только навыки владения письменной речью, т. е. речевого умения, обеспечивающего выражение мыслей с помощью определённого графического кода, но и элементарные навыки владения графикой и орфографией.

Основной целью доклада является обобщение опыта зарубежных (американских) преподавателей РКИ и выработка некоторых критериев по созданию учебных пособий для формирования навыков письменной речи у так называемых «русскоговорящих» студентов-иностранцев.

Следует подчеркнуть, что данная статья посвящена проблеме обучения русскому языку как иностранному студентов (взрослых людей), а не детей дошкольного и школьного возраста, проживающих вне языковой среды.

По уровню владения русским языком студентов, являющихся русскими по происхождению и выбирающих изучение русского языка как иностранного, можно разделить на несколько групп. Наиболее полное и обоснованное деление было проведено О. Каган и К. Дилон¹. Авторы выделяют три основные группы. К первой относятся студенты, закончившие среднюю школу в России или «русскоговорящих странах» (термин авторов), ко второй — проучившиеся в русских школах 5–7 лет, к третьей — так называемые «забывшие язык», студенты, родившиеся в русскоязычных семьях или переехавшие в США в раннем возрасте. Именно вторая и третья группы и составляют основную массу русскоговорящих студентов в американских университетах.

Хотелось бы отметить, что все работы по изучению языка русского зарубежья посвящены в основном анализу и систематизации ошибок студентов и детей дошкольного и школьного возраста. Наибольший интерес представляют исследования Е. А. Земской², О. Каган³, М. Полинской⁴. Много пособий и учебных материалов по русскому языку для детей написано как за рубежом, так и в нашей стране. Так, например, только в издательстве «Златоуст» за 2006–2012 годы для детей и школьников вышло 14 учебных пособий по русскому языку как второму родному.

Что же касается методических рекомендаций и учебных пособий для студентов из русскоязычных семей, проживающих за рубежом, то их практически не существует. Важно и то, что большинство существующих учебных пособий ориентированы на обучение вне языковой среды. Отсюда и трудности использования таких материалов при обучении в университетах при погружении в языковую среду.

За последнее десятилетие можно отметить два основных учебника, ориентированных на американских студентов — русских по происхождению: «Русский для русских»⁵, в котором основное внимание при обучении навыкам письменной речи уделяется авторами сложным видо-временным конструкциям, причастным и деепричастным оборотам, и пособие «Учимся писать по-русски»⁶, где представлены правила русской орфографии и пунктуации, средства связи элементов текста, даны примеры оформления некоторых деловых бумаг.

Однако умение грамматически правильно оформить на русском языке то или иное высказывание требует, по нашему мнению, более системного подхода к обучению не только сложных синтаксических конструкций, но и предложно-падежных конструкций, служащих для выражения определительных, причинных, целевых отношений. Трудности представляют и разграничения близких по значению грамматических конструкций, интуитивно известных носителям языка, но не знакомых русскоговорящим студентам, выросшим вне языковой среды. Сюда можно отнести сложные определительные присубстантивные предложения (предложения с союзными словами «какой, где, откуда»), несогласованные определения, изъяснительные конструкции, выражающие предположение, опасение, неуверенность говорящего, конструкции реального и нереального сравнения. Не уделено внимание и порядку слов в современном русском языке.

Опыт преподавания показывает, что наряду с традиционными видами заданий (диктант, изложение, написание эссе), полезным является и такой вид заданий как «письмо по памяти»⁷.

Важным, на наш взгляд, может быть и анализ синтаксических структур, используемых при построении текста.

Полезным является и курс учебного перевода, под которым понимается, «комплекс первичных умений переводческой деятельности, реализуемых, главным образом, в письменной форме в результате усвоения основных видов переводческих трансформаций в целях совершенствования лингвистической и речевой компетенции иностранных учащихся на русском языке».

Наиболее удачными для данной группы студентов, по нашему мнению, стали бы пособия, объединяющие речевые темы, посвящённые наиболее актуальным, социально значимым или широко обсуждаемым проблемам и способствующие формированию не только предметной и страноведческой, коммуникативной компетенции, но и темы грамматические, формирующие осознанные навыки выражения смысловых отношений в простом и сложном предложении.

Примечания

- ¹ Kagan O., Dillon K. A new perspective of teaching Russian: Focus on the heritage learner // Heritage Language Journal. 2003. Vol. 1 (1).
- ² Jazyk ruskogo zarubez'ja [the language of the Russian Diaspora] / Ed. by E. A. Zemskaja. Moscow; Vienna, 2001.
- ³ Kagan O., Dillon K. So what happens now? // Slavic and East European Journal. 2006. Vol. 50 (1). P. 83–96.
- ⁴ Polinsky M. Heritage language narratives // Heritage Language Education: a new field emerging. Routledge; New-York; London, 2008. P. 149–164.
- ⁵ Kagan O., Dillon K. Op. cit.
- ⁶ Каган О. Е., Кудыма А. С. Учимся писать по-русски: экспресс-курс для двуязычных взрослых. СПб., 2012.
- ⁷ Нечаева В. М. Методика обучения переводческой деятельности (в рамках курса русского языка как иностранного). М., 1994. С. 15.

Михайлова Екатерина Владимировна
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ОБЩЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ РКИ

Современный подход к обучению РКИ предполагает такую организацию занятий, при которой учащийся выступает в роли субъекта учебной деятельности. С этой точки зрения социальная сеть является идеальным инструментом обучения, так как задания в ней превращаются в сотрудничество: учащиеся ищут ответы на вопросы, обмениваются информацией, обучают других и создают свои собственные ресурсы по заданной теме¹.

В последнее время появилось множество научных статей о роли Web 2.0² в образовательном процессе, однако следует отметить, что лишь немногие из них рассматривают социальные сети как инструмент обучения русскому языку, кроме того, внимание в этих статьях акцентируется на использовании американской социальной сети Facebook, что и обуславливает новизну нашей работы.

На основании всего выше сказанного нами была создана группа в социальной сети «ВКонтакте»³ так как:

- данная сеть является неотъемлемой частью жизни российского общества XXI века;
- многие иностранные учащиеся не знают о существовании российских социальных сетей, не уступающих по своей функциональности всемирно известной Facebook;
- создание профиля «ВКонтакте» — занимательный процесс, а вступление в группу не составляет особого труда.

Эксперимент проводился в четырех группах иностранных учащихся, владеющих русским языком в объеме базового уровня. В ходе работы общение в сети «ВКонтакте» применялось в процессе обучения всем видам речевой деятельности в двух группах из четырех. Роль преподавателя как администратора интернет группы заключалась в поддержании ритма ее работы, привнесении обучающих элементов и последующего контроля.

Так, разделы интернет группы «Новости», «Обсуждения», «Ссылки» послужили ресурсом для обучения анализирующему, ознакомительному и просмотровому чтению, а размещение аудиозаписей и видеоматериалов, сопровождавшихся заданиями, позволило нам обучать иностранцев аудированию. Также нами было составлено задание, направленное на обучение монологической речи: каждый учащийся должен был рассказать о себе по плану, записать монолог на видео и выложить видеозапись в группе. В дальнейшем эти видео были проанализированы на занятии вместе с учащимися.

В ходе исследования в группах испытуемых были выявлены: повышение мотивации изучения русского языка; более высокие (по сравнению с другими группами) результаты теста по всем видам речевой деятельности. Важнейшим результатом работы, на наш взгляд, стала выработка у учащихся навыков печатания, которые необходимы им уже на начальном этапе изучения РКИ и формированию которых уделяется недостаточное внимание на занятиях. На основании всего выше изложенного мы решили продолжить использование интернет группы в практике преподавания РКИ.

Немного слов об организации работы преподавателя и учащихся в интернет группе. Итак, обучение русскому языку как иностранному на платформе социальной сети должно, на наш взгляд, проходить в несколько этапов.

Этап 1. Подготовка к работе. Прежде всего, преподаватель должен выбрать тему для обсуждения, учитывая уровень группы, её состав и интересы. Темы должны быть отобраны по следующим критериям: актуальность, познавательность, возможность использования при обсуждении изученного ранее лексико-грамматического материала, существование противоположных точек зрения на заданную тему. Далее преподавателю необходимо создать выбранную тему в разделе «Обсуждения», там же поместить ссылку на короткий видеосюжет (например, ссылку на сайт Первого канала) и транскрипт данного видеоматериала. После чего на занятии преподаватель должен объявить выбранную тему и обозначить сферу лексики, связанную с ней. Следующим шагом является выполнение учащимися *предпросмотровых заданий*: преподаватель объясняет фоновую информацию посредством прагматичного, проективного и прецедентного комментариев, вводит ключевые для видеоматериала слова и словосочетания, а также предлагает учащимся лексико-грамматические задания (на словообразование, трансформацию и др.).

Этап 2. Самостоятельная работа учащихся. Этот этап можно разделить на две части:

1. *Задания*, выполняемые учащимися *во время просмотра видеоматериала*. Участникам группы предлагается отметить те слова и выражения из предпросмотровых заданий, которые они услышали и увидели во время просмотра, а также дополнить этот список новыми словами и выражениями, которые важны для понимания содержания видеоматериала. В случае затруднения, можно обратиться к транскрипту видеосюжета.

2. *Послепросмотровые задания*. Участникам группы предлагаются следующие задания, представленные в виде опроса с вариантами ответа:

- Прочитайте предложения и ответьте, соответствуют ли они содержанию видеосюжета (да/нет);
- Соотнесите факты с именами людей, о которых говорилось в видеоматериале;
- Выразите свое мнение по поводу просмотренного, придумайте продолжение сюжета (если это отрывок из фильма); выразите своё мнение по темам, затронутым в видеоматериале; сравните данную проблему с проблемами в своей стране и др.

Последняя группа заданий требует, на наш взгляд, особого внимания, так как задания такого типа вовлекают учащихся в активную творческую деятельность.

Этап 3. Промежуточный контроль. После того, как все участники группы написали свои комментарии, преподаватель распечатывает их, исправляет ошибки и отдает учащимся. Именно этот материал послужит в дальнейшем опорой для реализации заключительного этапа — проведения на занятии круглого стола с дальнейшим подведением итогов.

Этап 4. Обсуждение. В ходе занятия каждому студенту предлагается высказать свою точку зрения на обсуждаемую тему. В процессе обмена мнениями у участников круглого стола формируются и развиваются различные коммуникативные навыки, которые выражают определённые коммуникативные намерения: обращение к собеседнику, выяснение чужой точки зрения, выражение своего мнения, а также формируются умения сформулировать свою позицию и аргументировать её, подвести итоги, красиво закончить выступление.

Итак, нами был проведен эксперимент по практическому применению российской социальной сети в области прямой двусторонней коммуникации между иностранными учащимися и преподавательским составом. В ходе исследования было установлено, что общение в специально

созданной интернет группе «ВКонтакте» можно рассматривать как одну из форм обучения РКИ на современном этапе, например, в процессе организации самостоятельной работы учащихся.

Примечания

- ¹ Савицкая Г. В. Социальные сети как инструмент изучения русского языка // Русский язык за рубежом. 2012. № 1. С. 102–104.
- ² Примерами web 2.0 являются блоги, вики, социальные сети и множество других приложений, позволяющих обмениваться информацией.
- ³ <http://vk.com/id182082009#/club48827454>

Прокубовский Александр Алексеевич
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИМЕНА «ИНСТРУМЕНТОВ» ПОНИМАНИЯ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ПРОФИЛЯ

1. Иностранные учащиеся, с которыми работают преподаватели кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, как правило, хорошо знают русский алфавит, знакомы с принципами построения русских предложений и падежами русского языка, изъясняются на повседневные темы достаточно свободно. Согласно классификации владения лексическими знаниями и навыками Л. С. Крючковой и Н. В. Мощинской, это уровень В2¹. На данном этапе главное внимание следует уделять семантизации нового слова, т. е. усвоению его значения (обучение правильному произнесению и правильной записи слова в среднем вызывает меньше затруднений).

Помимо текстов по языку специальности, иностранные студенты, магистранты, аспиранты в соответствии с программой курса читают также тексты по социокультурной тематике и адаптированные произведения русских писателей. В текстах такого рода могут встречаться слова, не имеющие прямого отношения к языку специальности, но необходимые для понимания содержания текста и его пересказа. Например, при чтении одной из повестей А. С. Пушкина учащимся необходимо усвоить историзмы *гусар* и *станционный смотритель*, так как это главные герои повести. Без объяснения таких понятий, как *табель о рангах*, *коллежский асессор*, *статский советник*, *тайный советник*, иностранцы не уловят соли рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий».

Такая лексика включает не только историзмы, но и общеупотребительные слова, просторечия и т. п. В ее число входят и имена интеллектуальных способностей человека (*ум*, *рассудок*, *мудрость*, *понятливость*, *смекалка*, *остроумие* и др.), которые в современном русском литературном языке достаточно частотны. В настоящем докладе автор придерживается

определения «имена интеллектуальных способностей», так как формулировка «инструменты понимания» слишком условна и не совсем точна.

2.1. Для составления лексикографического семантического поля (ЛП), согласно методу, разработанному Л. О. Чернейко на базе лексикографической концепции Ю. Н. Караулова², любое слово словаря берется как вокабула в определенном значении (если оно многозначно), а субстантивы его дефиниции также рассматриваются как вокабулы. Возникает множество семантически близких друг другу лексических единиц.

В их семантике варьируется общее понятие, обнаруживаемое в одинаковых или близких словах метаязыка их дефиниций. ЛП строится на семасиологическом отношении: от слова к его ближайшим семантическим соседям той же частеречной принадлежности.

По изложенной методике А. А. Прокубовским³ было составлено ЛП 'ум' в лексико-семантическом инварианте (ЛСИ) 'способность к мышлению, познанию, деятельности, определяемой разумом'. В качестве основы был взят материал толковых словарей русского языка⁴ и ряды из словарей Н. Ю. Шведовой⁵ и Л. Г. Бабенко⁶. От *познания* 'постижение' через *постижение* 'понимание' выходим на *понимание*. *Разум* определяется как 'ум, интеллект, рассудок'. Выделяются имена *рассудок* 'ум, сознание, разум, здравый смысл'; (*здравый*) *смысл* 'рассудок, ум'; *интеллект* 'ум, рассудок, разум'; *сознание* 'способность к мышлению'. В словаре Ю. Д. Апресяна приводились такие аналоги имени *ум*, как *мозги, голова* ('способность к мышлению'); *мудрость* ('глубокий ум'); *сообразительность, инстинкт*. Через *сообразительность* выходим на *понятливость*; через *инстинкт* — на *чутье* 'способность к пониманию'...

В итоге ЛП 'ум' составили имена, представляемые в виде нескольких рядов. Имена первого ряда непосредственно обозначают человеческую способность мыслить и понимать: *ум, разум, рассудок, интеллект, мудрость*. Другой ряд — обозначения человеческих органов, в которых, по традиционным представлениям, такая способность локализована: *мозги, голова*. Входят в ЛП и ряды, обозначающие интеллектуальные способности с точки зрения различных их особенностей: быстроты, четкости, утонченности и т. п. Имя *понятливость* обозначает интеллектуальную способность, направленную только на понимание, а не самостоятельное познание.

2.2. В настоящем докладе в рамках обучения иностранных учащихся лексике русского языка рассматриваются десять отобранных, наиболее показательных имен ЛП 'ум'. Помимо четырех основных субстантивов ЛП (*ум, разум, рассудок, интеллект*), это *мудрость* (аналог синонимиче-

ского ряда *ум*⁷), *понятливость* (обозначение непосредственной способности к пониманию), *смекалка* (одно из обозначений способностей к пониманию при нехватке информации), *интуиция* (обозначение способности к иррациональному пониманию), *проницательность* (обозначение способности к пониманию скрытых вещей), *остроумие* (обозначение способности, близкой к смекалке, но имеющей основной целью порождать тексты). При этом вовсе не обязательно, чтобы все десять субстантивов вошли в активный словарь учащихся. Если не все из них достаточно частотны в современном русском языке, то некоторые имена, например, *смекалка* и *проницательность*, могут быть значимыми для понимания текста по социокультурной тематике (для характеристики качеств какой-либо известной личности: ученого, писателя и т. п.) или художественного текста.

3.1. Л. С. Крючкова и Н. В. Мощинская выделили 10 основных способов семантизации лексики русского языка⁸. С опорой на личный опыт преподавания А. А. Прокубовский выстроил эти способы в систему, где одни более целесообразны для обучения студентов естественнонаучного профиля новым словам, а другие — менее значимы, факультативны⁹. Однако, используя эту систему, важно отталкиваться и от семантики анализируемой лексики, и от уровня владения русскими лексическими знаниями, на котором находится иностранный учащийся.

3.2. На уровне В2 не стоит объяснять учащимся естественнонаучного профиля всех нюансов семантики каждого имени группы. Здесь достаточно ограничиться только некоторыми способами семантизации лексики.

3.2.1. Несмотря на то, что перевод хорошо подходит для объяснения абстрактной лексики, он не выгоден для семантизации субстантивов данной группы ни на уровне В2, ни на более высоком уровне С1. Семантика лексических имен интеллектуальных способностей человека диффузна. Аналогами английского слова *intellect* являются не только *интеллект*, но также *ум*, *разум*, *рассудок*. И *разум* и *рассудок* могут переводиться как *reason* или *mind*. *Wit* — это в переводе на русский язык и ‘ум’, и ‘остроумие’. Кроме того, не факт, что все учащиеся знакомы со словами *wisdom* ‘мудрость’ или *insight* ‘проницательность’.

Описание или толкование значения тоже может оказаться неэффективным: для объяснения значений данных существительных необходимо использовать много сложных слов с абстрактными значениями, что затрудняет адекватное понимание.

Наконец, наглядное объяснение абстрактной лексики не всегда возможно. При объяснении имен интеллектуальных способностей человека

возможен только ограниченный набор жестов: покручивание пальцем у виска, постукивание по лбу и т. п.

3.2.2. Внимательно рассмотрев остальные способы семантизации русской лексики, автор остановился в отношении уровня В1 на четырех из них.

Словообразовательный анализ подходит для производных имен ряда. *Понятливость* удобно связать с *понять / понимать, рассудок* — с глаголами *судить, рассуждать*. *Остроумие* легко дается как сложное слово, в котором учащийся самостоятельно выделяет компоненты. Здесь, однако, необходимо давать комментарии, что прилагательное *острый* как одно из производящих слов для имени *остроумие* употреблено в переносном значении или что *проницательность* только метафорически связана с глаголом *проникать*.

Опора на языковую догадку учащегося лучше всего подойдет для международной лексики: *интеллект, интуиция*.

Семный анализ удобен тогда, когда «доли», из которых состоит семантика слова, достаточно просты и частотны: *мудрость* = «ум» + «глубокий» + «опирается на жизненный опыт».

Наконец, возможно и использование одного имени группы в качестве синонима для другого, еще не известного учащимся. Как синонимы могут даваться имена рядов *ум — разум — рассудок — интеллект* или *смекалка — проницательность — интуиция*. С точки зрения семного анализа такой способ несколько груб, но для учащихся естественнонаучного профиля подходит.

4.1. На уровне С1 учащиеся обладают большим словарным запасом, четче строят предложения, хорошо знакомы с причастиями и деепричастиями, с многозначностью слов, переносными значениями, фразеологизмами, идиомами и т. п. Здесь представляется целесообразным ознакомить их с некоторыми оттенками значений имен группы.

Для решения этой задачи эффективными кажутся такие способы, как более тонкий семный анализ и подбор контекстов.

4.2. Каждое из имен ЛП 'ум' обладает набором дифференциальных семантических признаков, проявляющихся в контекстах употребления этих субстантивов. Не все признаки актуальны для учащихся естественнонаучного профиля, но некоторые кажутся значительными.

4.2.1. Наиболее наглядной представляется оппозиция *характеристика человека как вида / личности*. Разум и рассудок отличают человека от животных. Имя *интеллект* в этом плане менее показательно: оно может употребляться и в качестве термина (*развитие интеллекта у детей, ин-*

теллект насекомых), и в негативных характеристиках (*интеллект гориллы*). Ум чаще выступает существенной характеристикой конкретной личности (*ум этого мальчика*); эта же черта свойственна и интеллекту, когда понимаемая информация большая и сложная (*интеллект ученого*). Имя *понятливость* относится и к животным (*понятливость собак, охотничьих птиц*), и к человеку как виду, но также часто характеризует конкретного человека как умение усваивать новую информацию быстро и легко. *Проницательность* характеризует только индивида: обозначаемое свойство считается уникальным. *Мудрость*, как и *ум*, часто относится и к группе людей (нации, сословию), и к индивиду: *традиционная крестьянская мудрость* — и *мудрость учителя* (ср.: *русский ум, крестьянский ум*). *Смекалка* и *интуиция* способны быть характеристиками как группы людей, занимающейся определенной деятельностью, так и личности: *изобретательская смекалка; историческая интуиция* (т. е. интуиция историка).

4.2.2. С этим напрямую связан и такой признак, как *процесс / результат понимания и особенности протекания процесса*. Ум и интеллект акцентируют процесс думания, понимания, а *разум* и *рассудок* — результат, достигнутое знание, понимание. Из других анализируемых имен ЛП ‘ум’ с процессом понимания связаны многие, но семантические акценты в них разные. *Понятливость* подразумевает собственно получение нового знания; *проницательность* — умение делать верные выводы из немногих фактов; *интуиция* — моментальное понимание практически без использования логики; *смекалка* - понимание с помощью памяти, фантазии, когда информации не хватает; *остроумие* — особое умение в процессе понимания быстро оформлять свои мысли «оригинальным» способом. В имени *мудрость* семантический акцент стоит на результате понимания, подразумеваются большие знания, достигнутые в течение долгого времени.

4.2.3. Третья особенность — *возможность / невозможность обозначать степень способности*. Этот признак наиболее развит у имени *интеллект*: *высокий интеллект* значит ‘превышающий среднюю норму’; ср.: *люди высокого интеллекта*. Некоторые другие имена ЛП (*ум, мудрость*) могут быть *глубокими* ‘сильными, основательными’, но прилагательное *высокий* в сочетании с *умом* имеет другое значение — ‘возвышенный, значительный по содержанию’. *Мудрость* же бывает преимущественно *высшей*, так как это свойство уже по определению превышает среднюю норму интеллектуальных способностей. *Понятливость, смекалка, интуиция* и *проницательность*, обозначая способности, свойственные не всем людям подряд, тоже могут иметь свои уровни развития. Смекалки можно

набираться: как способность понимать что-то самостоятельно, она базируется не только на опыте, но и на умении применять логику; интуиция и пронизательность как наиболее нестандартные способности из четырех означенных бывают *глубокими*. Имя *остроумие* тоже имеет степени измерения, но эта способность «колеблется» у разных людей (детей, взрослых, стариков) по-разному.

4.2.4. Значим и такой признак, как *отношение интеллектуальной способности к норме*. Ум, разум, рассудок обязательно присутствуют у людей с рождения, но разум формируется в раннем возрасте (*Мальчик хотел понять разумом*). Ум и рассудок становятся оформленными на определенном жизненном этапе. Имя *рассудок* в отличие от *разума* не применяется к детям, воспринимающим мир непосредственно. Интеллект есть и у взрослых, и в доле у детей. Понятливость свойственна всем в разной степени, и ее быстрое развитие у детей считается необычным (*удивительная понятливость этого ребенка*). Смекалка как умение понимать быстро и нестандартно свойственна не всем. Задатки интуиции как свойства, считающегося у людей особым, близким к инстинкту животных, могут развиваться или не развиваться. Пронизательность и остроумие — способности не только нестандартные, но и индивидуальные. Мудрость приобретается с опытом и явно превышает среднюю норму.

4.3. Иностранному учащийся усваивает новое слово не само по себе, а в составе текста, предложения. Более точному усвоению новой лексической единицы помогает такой контекст, в котором проявляются нюансы ее семантики. В соответствии с уровнем владения учащегося русским языком преподаватель может составлять свои контексты в виде словосочетаний, простых предложений либо подбирать цитаты, состоящие из достаточно понятных и частотных слов.

Примеры: *Надеемся на традиционную крестьянскую мудрость* (Новости Федерации 2006, 1 марта); *Мальчику мало было понимать чувством, он хотел понять разумом* (В. Белинский); *Дружба может быть прочна только при зрелости ума и возраста* (Афоризмы о дружбе); *Люди высокого интеллекта и талантов только разочаровали и смутили Чепурного* (А. Бруштейн); *Ум подобен мечу в руках воина... а мудрость — его умению вести бой* (Ю. Феодоров) и т. п.

5. Рассмотрение имен интеллектуальных способностей в таком ключе представляется перспективным. Оно представляет ценность не только для методики преподавания русского языка иностранным учащимся, но и для решения других задач, к которым относятся и сопоставление

русской и иностранных языковых картин мира, и сравнительный анализ русской лексики с иноязычными аналогами, полезный для развития лексикографии.

Примечания

- ¹ *Крючкова Л. С., Мощинская Н. В.* Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М., 2009. С. 127.
- ² *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976. С. 175–176.
- ³ *Прокубовский А. А.* Категоризация интеллектуальных способностей человека и лексические маркёры понимания в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 57–61.
- ⁴ *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. Ф. П. Филина и др. М.; Л., 1950–1964; Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой и Г. А. Разумниковой. М., 1981–1984; Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70000 слов. М., 1991; *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1996.
- ⁵ *Русский семантический словарь. Т. 3 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2003.*
- ⁶ *Большой толковый словарь русских существительных / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.*
- ⁷ *Апресян Ю. Д. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1999. С. 450.
- ⁸ *Крючкова Л. С., Мощинская Н. В.* Указ. соч. С. 123–124.
- ⁹ *Прокубовский А. А.* Принципы отбора лексики и выбора способа семантизации при обучении учащихся естественнонаучного профиля русскому языку // Теория и практика образования в современном мире. СПб., 2012. С. 351–353.

Сальман Елена Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет

ФРЕЙМОВАЯ ОБУЧАЮЩАЯ МОДЕЛЬ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понятие *фрейма*, фреймовый подход связан с работами таких ученых, как М. Минский¹, Ч. Филлмор², Т. А. ван Дейк³, в которых в различной терминологии и с разных позиций рассматриваются близкие понятия: *фрейм*, *сценарий*, *ситуационная модель* как формы репрезентации знаний о мире. Фрейм рассматривается, с одной стороны, как лингвистическая, с другой — как когнитивная сущность. Представляется логичным, что в последние годы много говорится и о возможностях применения данного подхода в лингводидактике. Ведь, как отмечает Т. А. ван Дейк, «если люди формируют модели ситуаций, в которых они участвуют или о которых они читают, представляется вполне очевидным, что они строят и модели коммуникативных ситуаций, участниками которых они являются, порождая или воспринимая речь»⁴. Значимость фреймового подхода в преподавании РКИ рассматривалась в работах разных исследователей⁵. Так, характеристики фреймов в соответствии с этапами обучения, механизмы фрейминга и рефрейминга подробно рассматривает И. В. Одинцова.

Важным направлением в изучении форм и способов представления лексики в преподавании РКИ является, на наш взгляд, фреймовый подход. Наглядность схем, основанных на принципах фреймовой организации, может способствовать эффективному усвоению лексической системы. Среди возможностей подобного представления лексики: демонстрация сочетаемостных возможностей лексических единиц, тематических, ассоциативных, логических связей между словами, парадигматических и синтагматических отношений между лексическими единицами. Таким образом создается особого рода контекст, в котором существует как центральное понятие, наименование фрейма, так и связанные с ним единицы.

Однако исследователи⁶ справедливо отмечают, что возможности применения фреймового подхода на начальном этапе обучения, на элементарном и даже базовом уровне крайне ограничены. Действительно, лексиче-

ский минимум элементарного уровня⁷ не позволяет создать полноценного «фрейма», отвечающего реальным представлениям носителя языка о том или ином понятии или ситуации. Несмотря на это, все же представляется, что не следует отказываться от его применения на начальных этапах обучения, необходимо лишь учитывать их специфику. Здесь может быть использована фреймовая обучающая модель, созданная на основе и в соответствии с лексическим минимумом.

Фреймовая обучающая модель — это способ описания и представления лексики в преподавании РКИ, который заключается в формировании тематической и/или ситуационной модели, наглядно демонстрирующей взаимосвязи слов, называющих все основные компоненты ситуации. В структуру данной модели входят такие обязательные элементы фрейма, как участники ситуации, типичные действия в рассматриваемой ситуации, места и т. д.

Наименования слотов фреймовой обучающей модели, особенно на начальных этапах обучения, строго соответствуют требованиям лексических минимумов. В связи с этим в качестве таких наименований преимущественно выступают грамматически оформленные фразы — вербализаторы слотов, которые являются, по сути, речевыми стереотипами, актуальными в данной ситуации.

Таким образом, отличия от общезыкового фрейма очевидны: каждая конкретная модель и ее организация подчинены задачам обучения на том или ином уровне ТРКИ. Таким образом, мы формируем «сильную» (в терминологии И. В. Одинцовой⁸) фреймовую модель, описывающую учебно-речевую ситуацию. Данная модель дает возможность продемонстрировать сочетаемость, вертикальные и горизонтальные связи слов, последовательность событий, действий и высказываний в рассматриваемой ситуации. На начальных этапах обучения фреймовая обучающая модель структурируется с точки зрения той коммуникативной роли, которая наиболее актуальна для обучающегося. Важно также отметить, что на каждом последующем этапе обучения уже изученная модель расширяется и усложняется, т. е. может подвергаться разным формам рефрейминга. Особенно важен, на наш взгляд, «рефрейминг точек зрения». Так, модель «здоровье, самочувствие» в зависимости от задач обучения может быть трансформирована и представлена с точки зрения, например, врача или близкого человека, который старается помочь больному.

В качестве иллюстрации и примеров фреймовых обучающих моделей составлены модели по следующим темам: «здоровье, самочувствие»,

«поддержание контакта, общение». Для их создания использовалась компьютерная программа (ConceptDraw MINDMAP Professional), предназначенная для создания «карт памяти», т. е. реализации технологии mind mapping, которая широко используется в преподавании иностранных языков во всем мире⁹. Программа позволяет создать взаимосвязанную структуру вокруг центрального понятия, позволяет добавлять графические символы, картинки, указывать связи между словами. Каждая ветвь может быть скрыта в случае необходимости.

Данные модели организованы в соответствии с указанными выше принципами. Кроме того, важно отметить, что, как и в структуре общезыкового фрейма, отдельные слоты также могут рассматриваться как подфреймы, как отдельные типичные ситуации или тематические группы слов. Так, в модели «поддержание контакта, общение» слот «на почте» может (и должен!) быть представлен отдельной фреймовой моделью, описывающей данную типичную ситуацию. Таким образом, появляется сеть тематически взаимосвязанных фреймовых обучающих моделей, образуется многоуровневая структурированная система, в которой, с одной стороны, каждое слово занимает свое место, с другой — намечены, обозначены «места» для расширения и углубления уже существующей модели. Это особенно актуально в свете использования данных моделей для самостоятельной или дистанционной (через интернет) работы с лексикой, а также работы с использованием компьютерных технологий.

Другое направление работы с данными моделями — анализ состава лексических минимумов по РКИ. Фреймовая модель позволяет показать, в каком месте логические связи нарушаются, какой лексемы не хватает для «полноты картины». Таким образом, появляется возможность достаточно обоснованного включения какой-либо лексемы в минимум или ее исключения. Рассмотрим это на примере модели «здоровье», а затем — «поддержание контакта, общение».

Так, представленная фреймовая обучающая модель по теме «Здоровье» (рис. 1) наглядно демонстрирует наиболее важные компоненты ситуации, ее участников и способы описания состояния здоровья, самочувствия. В центре коммуникативной ситуации — «я». Необходимыми участниками ситуации в данном случае становятся: кто-то из близких людей (друг или родственник), а также врач. Данная модель представляет возможные формы вербализации коммуникативной потребности человека описать свое самочувствие, учитывающие отношения между участниками ситуации (обращение на *ты* или на *вы*), и соответствующие составу лексического

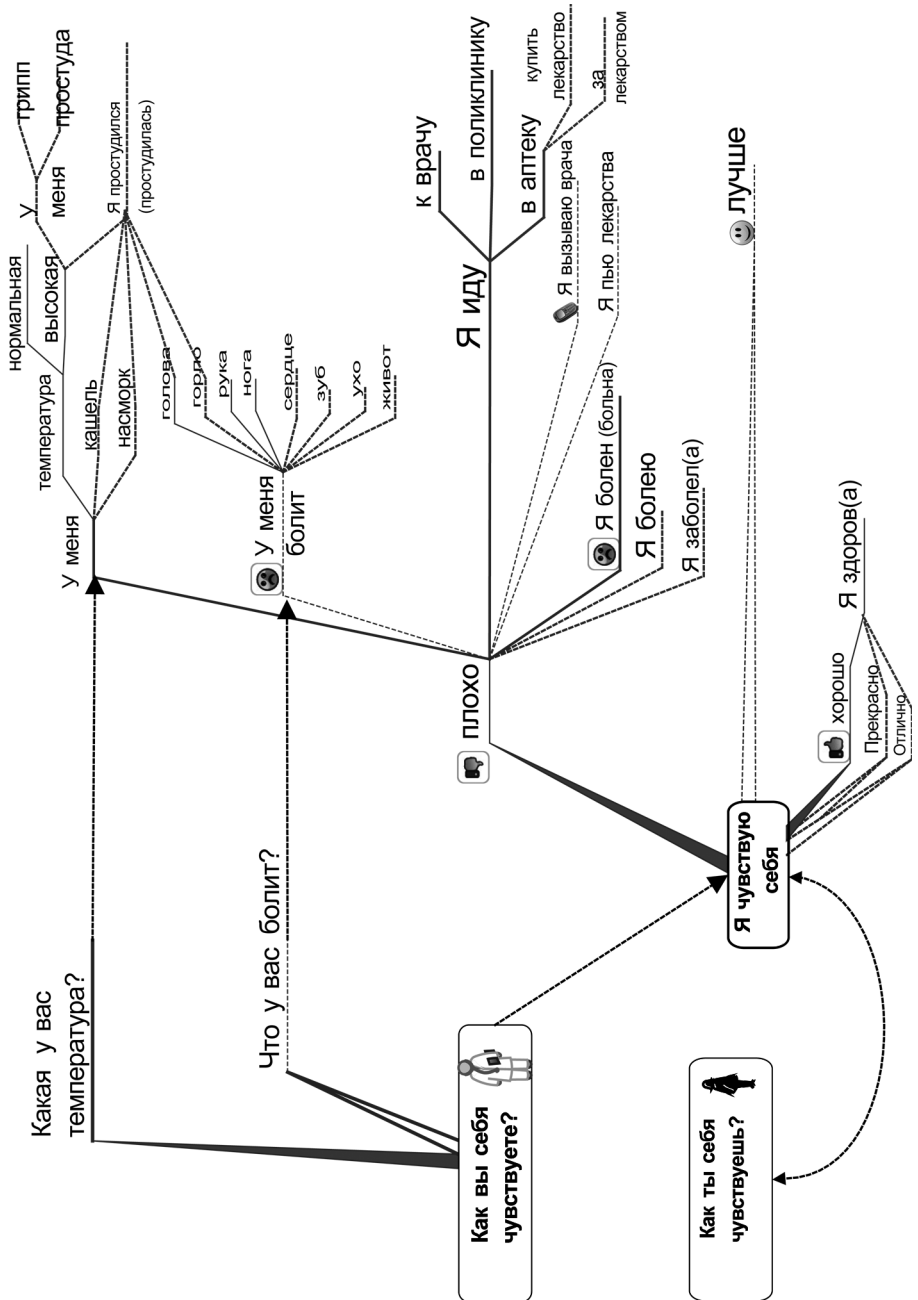

Рис. 1. Фреймовая обучающая модель по теме «Здоровье»

минимума для элементарного уровня. Пунктирными линиями отмечены лексические единицы, не входящие в минимум. Представленная схема демонстрирует, что вербальное взаимодействие между участниками данной коммуникативной ситуации было бы более полным и эффективным, если бы лексический минимум включал в себя глагол «болеть» в конструкции «у меня болит (что?)», например, «голова». Вероятно, это коммуникативно оправданно необходимостью ответа на обязательный вопрос врача, значимо как для понимания вопроса, так и для формирования ответа. Другим примером может служить отсутствие в лексическом минимуме элементарного уровня леммы «выздоровливать», необходимой, на наш взгляд, для реализации коммуникативной задачи в данной ситуации.

Модель, условно обозначенная как «поддержание контакта, общение» (рис. 2), также наглядно показывает коммуникативную значимость отсутствующих в лексическом минимуме элементарного уровня таких актуальных лексических единиц, как «мобильный», «смс», «сообщение», «скайп» и др. Кроме того, вероятно, оправданна была бы на данном уровне замена глагола «посылать» на глагол «отправлять» как единицу более универсальную и с более широкой сочетаемостью. «Отправлять» сочетается с любой из представленных единиц, а, например, фраза «посылать посылку» не вполне естественна.

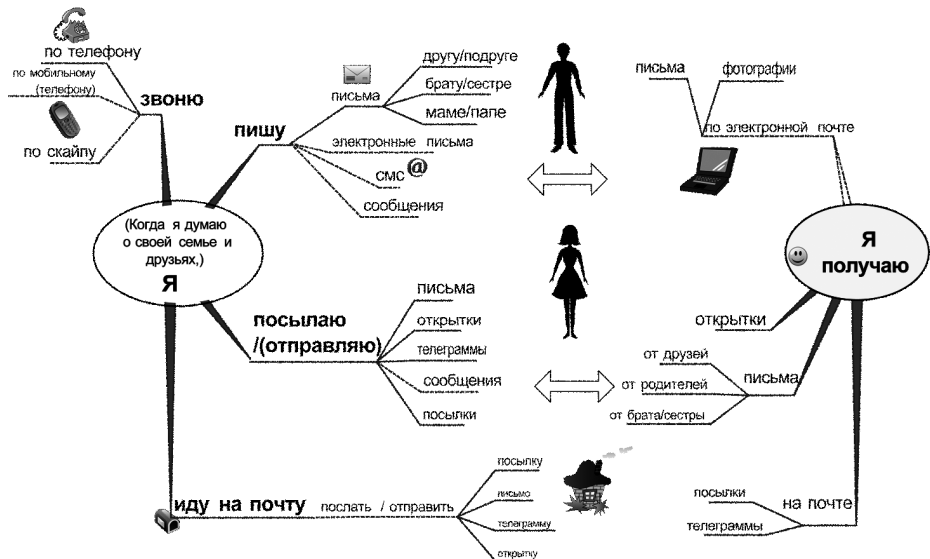

Рис. 2. Модель «Поддержание контакта, общение»

Представляется, что фреймовые обучающие модели позволяют, с одной стороны, проанализировать состав лексем, входящих в лексический минимум. Подобное структурирование с точки зрения фреймового представления знаний достаточно объективно показывает «пробелы», «лакуны» лексического минимума. Представляется, что при подобный способ анализа лексического состава можно считать достаточно объективным. С другой стороны, фреймовые обучающие модели могут эффективно использоваться как в практике преподавания лексики, так и в системе обучения, предполагающей использование электронных средств и ресурсов, интерактивных возможностей интернета.

Примечания

- ¹ Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
- ² Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
- ³ Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- ⁴ Там же. С. 67.
- ⁵ Латышева А. Н. Учебники русского языка и фреймовый подход к обучению инофонов // Мир русского слова. 2004. № 3. С. 5–14; Одинцова И. В. Сильные и слабые фреймы как единицы коммуникативно-когнитивного аспекта речевой деятельности // Мир русского слова. 2011. № 1. С. 89–93; Одинцова И. В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 73–80; Шикунова С. В. Фреймовый подход и его роль в обучении русскому языку инофона // Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ: электронный сборник. Вып. 2. 2012. — URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/25932/1/shikunova_2012_Lang_practice.pdf; и др.
- ⁶ См., например: Латышева А. Н. Указ. соч.
- ⁷ Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. М.; СПб., 2004.
- ⁸ Одинцова И. В. Сильные и слабые фреймы...
- ⁹ Reima Al-Jarf. Teaching Spelling Skills with a Mind-mapping Software // Asian EFL Journal Professional Teaching Articles. Vol. 53. July 2011. P. 4–16.

Соколова Екатерина Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный университет

О ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ПРАВИЛЬНОМУ УПОТРЕБЛЕНИЮ СОЮЗА «А»

Требования ко второму уровню владения русским языком как иностранным предполагают умение выражать соединительные и противительные отношения в сложносочиненных предложениях с союзами *и, а, но*. Однако в пособиях по грамматике не уделяется достаточного внимания дифференциации союзов *и/а* с одной стороны и союзов *а/но* с другой. Это чрезвычайно затрудняет освоение союза **а** учащимися, в родном языке которых указанные отношения передаются не с помощью трех, а с помощью двух союзов (*and* и *but* в английском). Сложности связаны с тем, что существуют высказывания, в которых в принципе возможно употребление другого союза из пар *и/а, а/но*.

Мы рассматривали вопрос о возможности взаимной замены союзов в высказываниях вроде (1) *Дело к весне, а/но мороз все жестче*, (2) *Ветер был сильный, а/но сгорел только один квартал*¹. Существует некоторое сходство ситуаций, в которых употребляется «*а несоответствия*» и «*но ненормального следствия*». Нас интересовал критерий, который может послужить основой для разграничения употребления союзов в таких предложениях.

В теоретической лингвистике давно определены логические структуры ситуаций, в которых употребляются союзы *а* и *но*². Сопоставим сначала известные логические толкования значений союзов «*а несоответствия*» и «*но ненормального следствия*». Для удобства сравнения будем использовать символы, принятые в работе В. З. Санникова. В. З. Санников предлагает определение логической структуры ситуации, в которой употребляется «*но ненормального следствия*»: «При нормальном ходе событий *X* привел бы к чему-то, противоположному *Y*-у. Имеет место ненормальное *Y*. Решающим для описываемой ситуации является *Y*»³.

Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева определяют ситуацию, в которой употребляется «*а несоответствия*», следующим образом: «Из того, что *X*, во-

обще говоря, следует, что не должно иметь место Y (должно иметь место не- Y). Между тем, Y ».

В принципе толкования очень близки и не дают возможности внятно на логическом уровне объяснить различие союзов человеку, в родном языке которого отсутствует аналог союза *a*. Таким образом, логическое толкование не может служить критерием разграничения и не помогает разработать тему для практических нужд преподавания РКИ. Существенным, однако, как мы увидим далее, является определение *но* с помощью понятий « нормальное /ненормальное следствие».

В лингвистической литературе отмечалась различная интонационная характеристика предложений союзами *a* и *но*⁴. Однако этот критерий тоже не может послужить опорой для преподавания синтаксиса РКИ.

Мы полагаем, что рассмотрение различия обсуждаемых сочинительных союзов в контексте одного предложения не может принести желаемого результата. Для его выявления понадобился более широкий контекст. Обратимся к примерам:

(3) *Творят добро мудрые и верные, а их ненавидят; другие на глазах творят зло, а их любят. Удивительно, удивительно разноречивое поведение владык!* (из индийских афоризмов);

(4) *Анахарсиса спросили, что ему показалось в Греции самым удивительным.* «Многое, — ответил он. — То, что греки осуждают драки, а сами рукоплещут борцам на состязаниях; осуждают обман, а сами устраивают рынки нарочно, чтобы обманывать друг друга» (М. Гаспаров);

(5) — *Его звали... Григорьем Александровичем Печориним. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен.* Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один... (М. Лермонтов);

(6) *Возникает парадоксальная ситуация — спрос на произведения искусства постоянно растет, а предложение падает* (газетн.).

Наш материал показывает, что в контексте высказываний с союзом *a* лексически выражается странность, удивительность, неожиданность следствия для говорящего, то есть, можно говорить об эмоциональной оценке несоответствия между двумя ситуациями. Следующие примеры показывают, что в высказываниях с союзом *a* эмоциональная оценка может проявляться не только как удивление:

(7) *Еще, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а кажется, я ее любил как отец...* (М. Лермонтов);

(8) Ты заслужила сегодня похвалы триста тридцать три раза, а они тебя не похвалили ни разу. **Ненавижу** старуху лесничиху, злобную твою мачеху, да и дочек ее тоже. (Е. Шварц).

Типичной для высказываний рассматриваемого типа является апелляция к слушающему, «приглашение» разделить эмоциональную оценку говорящего:

(9) У моего мужа, **можете себе представить**, жив еще дедушка. Девяносто четыре года, **а** он сохранил память, ходит и даже приезжает к нам в гости. (Г. Семенов);

(10) — **Ведь такой народ!** — сказал он — и хлеба по-русски назвать не умеет, **а** выучил: «Офицер, дай на водку!» (М. Лермонтов);

Таким образом, несоответствие ожидаемому говорящим ходу событий, отсутствие объяснения (странность, удивительность) порождает непосредственное субъективное переживание события или положения дел и вызывает эмоциональную оценку говорящего.

В высказываниях с союзом *но* такое субъективное переживание не проявляется. Для понимания причин этого важно вернуться к предложенному В. З. Санниковым толкованию значения *но*. По его мнению, в высказываниях с *но* «следует говорить не о неожиданности или необычности, а о несоответствии норме, о нарушении нормального хода событий»⁵. То есть речь здесь идет о нормативной, объективированной оценке, соотнесенной с системой ценностей, принятой в социуме. Говорящий отмечает несоответствие некоторой норме, но, как следует из приведенных ниже примеров, может объяснить себе причины этого несоответствия:

(11) Теща и жена все время говорят по-французски, **но** когда речь заходит обо мне, то теща начинает говорить по-русски, **ибо такой бесчувственный, бессердечный, бесстыдный, грубый человек, как я, недостойн, чтобы о нем говорили на нежном французском языке** (А. Чехов);

(12) В этом городе он родился, учился, вырос и женился, **но**, вылезши из вагона, он едва узнал его. **Все изменилось** (А. Чехов).

Поскольку есть объяснение, исчезает почва для субъективного переживания.

Показательно в обсуждаемом аспекте сравнение двух характеристик доктора Вернера, которые дает Печорин:

(13) Вернер был человек **замечательный** по многим причинам. Он скептик и матерьялист, как все почти медики, **а** вместе с этим поэт, и не на шутку, поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов (М. Лермонтов);

(14) *Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец* (М. Лермонтов).

В высказывании с союзом *а* неслучайно лексическое выражение необычности *замечательный*, в то время как в высказывании с союзом *но* есть ссылка на подобный случай (объяснение) и отрицание удивительности явления.

Таким образом, наши данные не позволяют говорить о взаимозаменяемости этих союзов без ущерба для коммуникативного смысла высказывания. Прослеживается связь между коммуникативной задачей высказывания и употреблением союза. В высказываниях с союзами *а* и *но* можно заметить разные оценочные интенции. В высказываниях с союзом *а* интенция состоит в том, чтобы передать субъективно переживаемое говорящим несоответствие ожидаемому им ходу событий (эмоциональная оценка). В высказываниях с союзом *но* коммуникативная задача заключается в том, чтобы отметить несоответствие некоторой общепринятой норме (рациональная оценка). Детальный анализ текста позволяет выявить комбинацию элементов, участвующих в выражении коммуникативной задачи. Этими элементами в нашем случае являются собственно союзы (синтаксические средства), интонация и, иногда, лексика. Именно лексика оказалась достаточно выпуклым, хотя и факультативным элементом, который позволил разграничить ситуации употребления союзов. На основе синтеза выявленных разноуровневых языковых средств возможно построение раздела коммуникативного синтаксиса, ориентированного на обучение употреблению союзов, адекватных потребностям коммуникантов.

Примечания

- ¹ Примеры взяты из: Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31–36.
- ² Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Указ. соч.; Санников В. З. Значение союза *но*: нарушение «нормального» положения вещей // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 433–444.
- ³ Санников В. З. Указ. соч. С. 437.
- ⁴ Йокояма О. К анализу русских сочинительных союзов // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 190–193.
- ⁵ Санников В. З. Указ. соч. С. 436.

Научное издание

**XLII
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

Выпуск 25

Русский язык как иностранный
и методика его преподавания

11–16 марта 2013 года,
Санкт-Петербург

Ответственный редактор
Н. А. Любимова

Оригинал-макет
М. С. Шишков

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.1999. Подписано в печать 28.02.2014.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60×84 ¼.

Усл. печ. л. 7,25. Тираж 70 экз. Заказ №

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии ООО «Супервэйв Групп»
190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 13

